

ТАТЬЯНА АЛЕНТЬЕВА,
МАРИЯ ФИЛИМОНОВА

.....

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ
ИДЕИ
И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ПРОЦЕСС
В СЕВЕРНОЙ
АМЕРИКЕ

Мария Филимонова

**Просветительские идеи и
революционный процесс
в Северной Америке**

«Алетейя»

2021

УДК 94(73)"17/18"
ББК 63.3(7Coe)5

Филимонова М. А.

Просветительские идеи и революционный процесс в Северной
Америке / М. А. Филимонова — «Алетейя», 2021

ISBN 978-5-00165-201-4

Актуальность изучения революционных процессов в различных странах в эпоху модерна не подлежит сомнению. Изучение идейных истоков и сути революционных процессов позволяет глубже понять закономерности их возникновения и развития, их воздействия на современный мир. В монографии впервые в отечественной американистике предпринята попытка проследить связи между идеями Просвещения, американскими революциями и реформами в XVIII-XIX вв. Используя новейшие методологические подходы (компаративистика, имагология, контент-анализ, дискурсивный анализ, междисциплинарный и социокультурный подходы), на основе широкого круга просветительской литературы и самых разнообразных источников, авторы проанализировали процесс рецепции и трансформации просветительской эпистемы в условиях становления нового американского государства, дальнейшего развития революционного процесса, включавшего эпоху двух американских революций. Рассмотрены такие сюжеты, как рецепция просветительских идей в североамериканских колониях, их отражение и преломление в американском конституционализме. Отдельные главы посвящены влиянию просвещенческой идеологии в XIX в., смене парадигм и восприятию основных концептов Просвещения в либерализме в самых разных аспектах (джексоновская демократия, реформаторские движения, проблема свободы, демократии и прав человека и борьбы с коррупцией в эпоху Гражданской войны и Реконструкции). Монография предназначена для студентов, обучающихся на исторических факультетах и отделениях социологии и политологии, для гуманитариев широкого профиля, для всех, кто изучает историю США, для всех, кто интересуется американской историей и культурой. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(73)"17/18"

ББК 63.3(7Сое)5

ISBN 978-5-00165-201-4

© Филимонова М. А., 2021

© Алетейя, 2021

Содержание

Введение	7
Глава 1	20
Глава 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Татьяна Алентьева, Мария Филимонова
Просветительские идеи и революционный
процесс в Северной Америке
НЕЗАВИСИМЫЙ АЛЪЯНС

АЛЕТЕЙЯ

Печатается по решению Центра изучения США Курского государственного университета

Монография подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках исследовательского проекта № 18-09-00166а «Просветительские идеи и революционный процесс в Северной Америке»

Рецензенты:

доктор исторических наук, главный научный сотрудник *А. Ю. Петров* (Институт всеобщей истории РАН)

доктор исторических наук, профессор *В. В. Романов* (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина)

© Т. В. Алентьева, М. А. Филимонова 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Введение

Фундаментальной научной задачей данной монографии является исследование революционного процесса в Северной Америке, связей между философией Просвещения и модернизационными процессами. Хронологические рамки проекта охватывают конец XVIII – вторую половину XIX вв., что объясняется хронологией первой Американской революции (1775–1787 гг.) и второй Американской революции (1860–1877 гг.), а также необходимостью дополнительного изучения созревания революционной ситуации и путей постреволюционной стабилизации.

Необходимо отметить, что Америка XVIII–XIX вв. существовала в рамках грандиозной мир-системы модерна. Мир-система (или мир-экономика, если воспользоваться термином Ф. Броделя) начинает складываться в эпоху Великих географических открытий и постепенно вовлекает все новые территории в орбиту своего влияния. Особенностью мир-системы модерна является ее надгосударственный характер – ее границы не совпадают с границами какого-либо государства или даже империи. Вторая ее особенность – иерархичность. Ф. Бродель трактовал мир-экономику как автономное образование, структурированное через неравенство центра и периферии и имеющее собственный ритм развития¹. После Семилетней войны 1756–1763 гг. гегемоном мир-системы стала Великобритания². Ее североамериканские колонии при этом формировались как часть периферии. В рамках традиционной меркантилистской экономики их ролью было служить для метрополии рынком сбыта, источником сырья и некоторых производств, необходимых не столько самим колониям, сколько опять же метрополии (например, кораблестроения). Экономически периферийное положение США не было преодолено и после Войны за независимость. Подобное состояние страны внутри атлантической цивилизации (или Евроатлантического мира-экономики в терминологии Броделя), а затем ее трансформация были одним из определяющих факторов в истории этой страны в XVIII–XIX вв. Экономической периферийности соответствовала культурная. В ареале культурного влияния мир-системы существовала в XVIII в. влиятельная и универсальная идеология, претендовавшая на преобладание: Просвещение. Собственно говоря, в этот исторический момент просвещенческая идеология играла роль геокультуры³.

В той или иной степени влияние Просвещения ощущается в XVIII в. везде, где присутствовала европейская культура. Вольтер с удовлетворением писал: «Разум передвигается маленькими этапами с севера на юг со своими двумя близкими друзьями – Опыт и Терпимостью. Земледелие и Торговля сопровождают его... Время от времени разум встречает жестоких врагов во Франции. Но у него здесь столько друзей, что, в конце концов, он все же станет первым министром»⁴. Н.М. Мещерякова с полным основанием видит в широком распространении просвещенческих идей свидетельство их огромной интеллектуальной силы⁵.

Но что же следует понимать под Просвещением? Как известно, этим вопросом задавался еще Иммануил Кант. Однако и сейчас еще полной однозначности нет. Т.Л. Лабутина и М.А.

¹ См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.: 3 т. М., 1986–1992. Т. 3. Время мира; Он же. Динамика капитализма. Смоленск, 1993; Валлерстайн И. Мир-система Модерна: 4 т. М., 2015–2016. Т. 1. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке; Он же. Миросистемный анализ: введение. М., 2006.

² Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. 3. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730–1840-е годы. С. 245–246.

³ Термин И. Валлерстайна, см.: Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение.

⁴ Вольтер. Человек с сорока экю // Избранные произведения в одном томе. М., 1938. С. 337–338. См. также: Вольтер. Собр. соч.: 3 т. М., 1998. Т. 3. С. 539, 548.

⁵ Общественно-политическая мысль европейского Просвещения / под ред. Н.М. Мещеряковой. М., 2002. С. 9.

Ковалев справедливо отмечают, что само понятие Просвещения остается по-прежнему дискуссионным. Российская наука не выработала единой точки зрения на данную проблему⁶, как, впрочем, и западная. «Первооткрыватель» американского Просвещения в западной историографии Генри Мэй ставил перед исследователями следующие вопросы:

1. Что такое Просвещение?
2. Существует ли американское Просвещение?
3. Если оно существует, как оно связано с европейскими аналогами?
4. Насколько широко распространились просвещенческие идеи в Америке?
5. Каковы хронологические рамки американского Просвещения?⁷

Попробуем суммировать существующие в историографии ответы на эти вопросы.

Не одно современное политическое учение возводит к Просвещению свои идейные истоки. К его ценностям апеллирует и современный конституционализм. Неудивительно, что многие исследователи обращают больше внимания на «светлые» стороны философии XVIII в., прежде всего, на ее рационализм и выдвижение свободы как безусловного идеала.

В понимании Мэя, Просвещение базировалось на убеждении, что человеческий разум способен постичь Вселенную лучше, чем ее понимали в предшествующие периоды, а также найти практическое применение своим знаниям⁸. Принстонский профессор Джонатан Израэль выделяет такие ценности Просвещения, как разум, мир, справедливость, индивидуальная свобода и выгода для всех. Он также видит в Просвещении антитеологический, демократический и освободительный проект⁹. Немецкий исследователь Р. Шульце определяет следующие четыре предпосылки в качестве основ просветительского процесса, как он совершился в Европе:

- переход от мистики к рациональности,
- переход от теоцентрического к антропоцентрическому мировоззрению,
- желание быть новым и в то же время оригинальным,
- эмансипация буржуазии и формирование социальной дихотомии граждан и буржуа¹⁰.

Н.М. Мещерякова обращает внимание на такие базовые элементы Просвещения, как преклонение перед гармонией Природы, антропоцентризм, атомизм в понимании человека, рационализм в трактовке истории и природы государства. Она также говорит о важности этики в общей структуре просвещенческого идейного универсума и о значении естественно-правового критерия при трактовке просветителями любых общественно-политических проблем; оптимистическую веру в прогресс и критицизм по отношению к прошлому и настоящему. В качестве слабостей Просвещения она выделяет известную ограниченность просвещенческого мышления, метафизичность, нередко абстрактность и дидактичность¹¹.

И отечественные, и западные исследователи особо отмечают критицизм просветителей. Еще Ф. Энгельс писал в свое время: «Религия, понимание природы, общество, государственный строй – все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него. Мыслящий рассудок стал единственным мерилем всего существующего»¹². Эта красочная характе-

⁶ Лабутина Т.Л., Ковалев М.А. Британские интеллектуалы эпохи Просвещения: от маркиза Галифакса до Эдмунда Берка. СПб., 2020. С. 15–16.

⁷ May H.F. The Problem of the American Enlightenment // New Literary History. Vol. 1. No. 2. A Symposium on Periods (Winter, 1970). P. 202.

⁸ Ibid. P. 203.

⁹ Israel J. Enlightenment! Which Enlightenment? // Journal of the History of Ideas. Vol. 67. No.

¹⁰ (July, 2006). P. 525, 528–529.³ Hagen G., Seidensticker T. Reinhard Schulzes Hypothese einer islamischen Aufklärung. Kritik einer historiographischen Kritik // Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft. Wiesbaden. Bd. 148 (1998). S. 83–110.

¹¹ Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. С. 11–15.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 189.

ристика прекрасно описывает французское Просвещение, но в применении к его американскому аналогу сталкивается с определенными трудностями. Так, А.М. Каримский определял Просвещение как светскую философию, создающую идеологические ориентиры для антифеодального движения и ведущую к установлению политической власти буржуазии¹³. Определение это выглядит сформулированным опять же на основе французского опыта. Именно к американскому Просвещению, которое изучал А.М. Каримский, оно никак не подходит: в Америке Просвещение не было антифеодальным, поскольку в американских колониях не было феодализма как системы. Впрочем, чуть дальше исследователь определял основную цель американского Просвещения как деколонизацию, что представляется более оправданным¹⁴.

В советской версии марксизма (в отличие от западного неомарксизма) Просвещение оценивалось чрезвычайно высоко. В общем, «оптимистическая» оценка Просвещения сохраняется и в постсоветских исследованиях. А вот на Западе в отношении просветителей существует обширная ревизионистская литература.

Неомарксисты Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно обратили внимание на «темные стороны» Просвещения. Они видели в нем философию, деструктивную по отношению к прошлому, культ безжалостного прогресса, утверждение господства буржуазии и в конечном итоге обман масс¹⁵. Современные исследователи-ревизионисты также связывают с Просвещением негативные тенденции европейской истории, начиная от империализма и заканчивая Третьим рейхом, Гулагом, угрозой ядерной войны¹⁶. Понятие Просвещения при этом предельно расширяется, подразумевая то любые проявления рационализма, то секуляризацию, авторитарность и механицизм. После этого уже нетрудно приписать рассматриваемому явлению любые желаемые характеристики.

Еще одну историографическую тенденцию можно описать как «деевропеизацию» Просвещения. Себастьян Конрад, профессор Свободного университета Берлина, отвергает традиционное понимание Просвещения как евроцентристское. С его точки зрения, Просвещение было глобальным феноменом, имевшим в том числе свои проявления в Индии, Египте, Японии и других неевропейских обществах. Для того, чтобы вписать Просвещение в глобальную перспективу, историк меняет его определение, как это делают и ревизионисты. Просвещение для него – не творение «парижских философов», а некое неопределенное стремление к прогрессу и модернизации¹⁷. Похожие идеи развивают Питер Грэн и Райнхард Шульце, обнаружившие исламское Просвещение, не связанное с Европой; Марк Элвин, нашедший в литературе цинского Китая меньшее пристрастие к мистике, чем прежде, и считающий это явление аналогичным европейским трендам XVIII в.¹⁸

Для нашей темы особенно интересна проблематика соотношения между Просвещением и колониализмом/деколонизацией. По этому вопросу существуют не только специальные исследования, но и ведется активная полемика. Авторитарные ценности Просвещения в

¹³ Каримский А.М. Революция 1776 г. и становление американской философии. М., 1976. С. 89.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Адорно Т., Хоркхаймер М. Дialeктика Просвещения. Философские фрагменты. М.-СПб., 1997. С. 60. Неомарксисты Адорно и Хоркхаймер исходили, в целом, из марксистских положений. Ср. у Ф. Энгельса: «Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к гражданскому равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была... буржуазная собственность. Государство разума, – общественный договор Руссо, – оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой»: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 190.

¹⁶ Nandy A. The Politics of Secularism and the Recovery of Religious Tolerance // Alternatives. Vol. 13. Issue 2 (1988). P. 177–194.

¹⁷ Conrad S. Enlightenment in Global History: A Historiographical Critique // AHR. Vol. 117. No. 4 (Oct. 2012). P. 999–1027.

¹⁸ Gran P. Islamic Roots of Capitalism: Egypt, 1760–1840 (Middle East Studies Beyond Dominant Paradigms). Syracuse, N.Y., 1998; Ze'evi D. Back to Napoleon? Thoughts on the Beginning of the Modern Era in the Middle East // Mediterranean Historical Review. Vol. 19 (2004). P. 88; Schulze R. Was ist die islamische Aufklärung? // Die Welt des Islams. Bd. 36 (1996). S. 276–325. Elvin J.M. Vale Atque Ave // Joseph Needham: Science and Civilisation in China / ed. K.G. Robinson. Cambridge, 2004. P. XXIV–XLIII.

XIX в., с точки зрения ревизионистов, обернулись навязыванием прогресса колонизируемым народам, что привело к асимметричным властным отношениям внутри колониальных империй¹⁹. Просвещению действительно был свойствен евроцентризм, а философы-просветители в самом деле полагали, что распространение их принципов принесет благо всем народам. И все же такая трактовка Просвещения представляется тенденциозной. Ведь многие просвещенческие по происхождению ценности, такие, как идеи общественного договора, естественных и неотъемлемых прав человека и народного суверенитета, могли быть и действительно были использованы в антиколониальной борьбе. Таков итог исследований профессора Университета Чикаго Шанкара Мутху. Он демонстрирует, что в конце XVIII века целый ряд европейских политических мыслителей атаковал самые основы империализма, страстно доказывая, что строительство империи не только неосуществимо, дорого и опасно, но и явно несправедливо. В этом ряду он числит Дени Дидро, Иммануила Канта, Иоганна Готфрида Гердера²⁰. По мнению принстонского профессора Джонатана Израэля, антиколониальное движение многим обязано радикальному Просвещению, которое восходит к идеям Б. Спинозы²¹.

Ответ на второй вопрос Генри Мэя – «Существует ли американское Просвещение?» – представляется более однозначным, хотя и здесь возникают проблемы с определением. В 2002 г. журнал «*Revue française d'études américaines*» посвятил тематический выпуск американскому Просвещению. Открывался номер историографическим обзором Натали Карон и Наоми Вульф. С их точки зрения, понятие «американского Просвещения» крайне размыто и либо сводится к описанию XVIII в. и его наследия, либо расширяется до такой степени, что вообще теряет всякую определенность²². Тем не менее, после классической работы Генри Мэя, в существовании американского Просвещения, кажется, никто не сомневается. В настоящее время в американской историографии идет спор скорее о датировке эпохи американского Просвещения, чем о самом факте его существования. В частности, Р.А. Фергюсон предлагает датировать его начало серединой XVIII в.²³ Дж. Макгрегор Бернс склонен относить его зарождение к первой половине столетия²⁴. По мнению П. Гэя, период до 1765 г. был лишь предысторией американского Просвещения²⁵. Просвещение и революция оказываются тесно связаны.

Авторы коллективного труда «Мир Просвещения» сочли необходимым включить в свой словарь главку, посвященную Америке. Однако в этой главке ее автор Патрис Игонне оговаривает, что на американской почве не было условий для возникновения Просвещения французского типа – структурированного идеологического движения, подвергающего всесторонней и систематической критике существующие политические и социальные институты. По его представлениям, американское Просвещение «повсюду и нигде», оно похоже на «украденное письмо» из рассказа Э.А. По, которое лежит на самом видном месте, но которого никто не замечает. Просветительская мысль в Америке, как считает Игонне, выражена прежде всего в области политической философии; ее вклад в мировую культуру в целом незначителен, но зато она была глубоко усвоена американским обществом²⁶.

¹⁹ The Postcolonial Enlightenment: Eighteenth-century Colonialism and Postcolonial Theory / ed. D. Carey, L. Festa. Oxford, 2009.

²⁰ См.: Muthu S. Enlightenment against Empire. Princeton, 2003.

²¹ Israel J. Enlightenment! Which Enlightenment? P. 524. См. также: *Idem*. Radical Enlightenment: Philosophy and the Making of Modernity, 1650–1750. Oxford, 2001; *Idem*. A Revolution of the Mind: Radical Enlightenment and the Intellectual Origins of Modern Democracy. Princeton, 2009.

²² Caron N., Wulf N. Introduction: Les Lumières américaines dans l'historiographie contemporaine aux États-Unis: ambivalences et reticences // *Revue française d'études américaines*. No. 92. Les Lumières américaines (mai 2002). P. 4.

²³ Ferguson R.A. The American Enlightenment, 1750–1820. Cambridge, Mass., 1997.

²⁴ McGregor Burns J. Fire and Light: How the Enlightenment Transformed Our World. N.Y., 2013. P. 70–71.

²⁵ Gay P. The Enlightenment: An Interpretation: 2 vols. N.Y., 1966–1969. Vol. 1. P. 37–38.

²⁶ Мир Просвещения. Исторический словарь / под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. С. 504, 507, 513.

Оценка американского Просвещения у отечественных исследователей более оптимистична (как и оценка Просвещения вообще). Например, показательно, что В.В. Согрин, изучая американское Просвещение, ставил своей целью изучить «вопрос о «корнях», способствовавших развитию позитивных сторон американской цивилизации»²⁷.

Генри Мэй попытался структурировать американское Просвещение, выделив в нем умеренные и радикальные тенденции. К тем же выводам пришли отечественные ученые. В.В. Согрин выявил в американском Просвещении элитарное течение (федералисты) и демократическое (Т. Джефферсон, Б. Франклин, Т. Пейн)²⁸. А.М. Каримский также делил американских просветителей на радикальное и умеренное направления. Их живыми воплощениями, соответственно, были Т. Джефферсон и А. Гамильтон. Некоторых же просветителей, как признавал Каримский, трудно отнести к радикальному или умеренному лагерю. Это касается, в частности, Кэadwalладера Колдена, который был колониальным чиновником и лоялистом²⁹.

Третий вопрос Мэя – о соотношении американской просветительской мысли и европейских аналогов – оказался неоднозначным. Столь же неоднозначен вопрос о соотношении учений европейских просветителей и американской революционной идеологии, американского конституционализма. Долгое время исследователи просто не занимались этой проблемой. Например, в знаменитой работе Ч. Бирда по экономической интерпретации Конституции США Просвещение просто отсутствовало уже в силу избранной проблематики. Вопрос об идейных истоках Конституции не ставился.

Вообще, вопрос о соотношении идей Просвещения и революций конца XVIII в. остается дискуссионным. Роже Шартье, исследуя культурные истоки Французской революции, приходил к выводу, что не Просвещение породило революционные настроения в обществе, а революционеры задним числом записали великих просветителей в свои идейные предшественники³⁰. Еще ранее Альфред Коббен прямо противопоставлял Просвещение и революционную идеологию³¹. Ту же самую позицию отстаивали авторы школы «консенсуса» по отношению к Американской революции. Наиболее ярко выразил эту мысль Д. Бурстин: «Философы европейского Просвещения, которых вытащили на суд истории в качестве предполагаемых отцов Американской революции, тогда окажутся неуместны на этом суде точно так же, как преступные кузены, появляющиеся на сцене в последнем действии плохой детективной драмы»³². Согласно Бурстину, «абстрактные» европейские теории не имели для «отцов-основателей» никакого значения. Государственное строительство в США опиралось не на теории, а на колониальную политическую практику³³. С ним неожиданно солидаризировался неопрогрессист Дж. Э. Фергюсон, который считал, что Просвещение в Америке было ограничено кругом образованной элиты³⁴. Г.С. Коммаджер, напротив, развивал тезис о том, что в Америке воплотились в жизнь идеи «царства Разума», выдвинутые европейскими просветителями³⁵. Обе крайности кажутся односторонними и преувеличенными. Компромиссную теорию выдвинул Бернард Бейлин. По его мнению, «при помощи просвещенческого либерализма революционные лидеры пытались упорядочить, формализовать, систематизировать то, что до этого было лишь частично осознан-

²⁷ Согрин В.В. Осмысливая путь в профессии // ННИ. 2015. № 2. С. 57.

²⁸ Согрин В.В. Идейные течения в американской революции XVIII в. М., 1980.

²⁹ Каримский А.М. Революция 1776 г. и становление американской философии. С. 89–92.

³⁰ Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М., 2001. С. 100.

³¹ Cobban A. In Search of Humanity: The Role of the Enlightenment in Modern History. L., 1960. P. 181–193.

³² Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М., 1993. С. 138.

³³ Boorstin D. The Myth of an American Enlightenment // Image of Europe: Reflections on American Thought. N.Y.: Meridian, 1960. P. 66–78.

³⁴ Ferguson E.J. The American Revolution: A General History, 1763–1790. Homewood, Ill., 1974. P. 61.

³⁵ Commager H.S. The Empire of Reason. How Europe Imagined and America Realized the Enlightenment. Garden City, N.Y., 1977. Passim.

ным, путанным и спорным положением вещей». Революция, таким образом, не была творением просветителей, но Просвещение помогло высвободить уже существовавшие в колониях социальные силы и придало им новую энергию³⁶.

В исследованиях советского времени Просвещение рассматривалось как идеология Американской революции. А.М. Каримский говорил о «безраздельном господстве» Просвещения в подготовке Американской революции³⁷. В.В. Согрин возводил Американскую революцию к идейному влиянию английского и французского Просвещения. В настоящее время, однако, он оговаривает, что на том этапе исследований недооценил воздействие на США ренессансного республиканизма и английского вигизма³⁸.

Из отдельных национальных традиций, повлиявших на американское Просвещение, по понятным причинам выделяется английская. В XVIII в. она наряду с французской определяла интеллектуальный климат Европы. Н.М. Мещерякова справедливо отмечает, что в Англии идеи Просвещения были внедрены в общественное сознание и послужили источником аргументов как для вигов, так и для тори³⁹. Это не могло не влиять и на североамериканские колонии. Здесь главную роль играла не только языковая близость, но и культурная зависимость от бывшей «матери-родины». Какие же идеи английского Просвещения оказались наиболее плодотворными для ее американских колоний, а затем для молодого американского государства? Английские просветители выработали идеологическую платформу, включавшую в себя ряд теорий («общественный договор», «разделение и равновесие ветвей власти», сопротивление тирании, политическая оппозиция и двухпартийная система правления, защита гражданских и личностных свобод и др.). Как отмечают Т.Л. Лабутина и Д.В. Ильин, особую ценность в идеологии Просвещения представляли гуманистические идеи: вера в человека и его разум, необходимость распространения знаний, образованности и культуры среди людей, формирование новых, гуманистических нравственных устоев⁴⁰. Историки сходятся в мнениях, что наибольшее влияние из английских мыслителей на Америку оказал Джон Локк.

Л. Харц считал, что влияние английского Просвещения было определяющим⁴¹, и автор «Двух трактатов о правлении» словно заслони́л собою всех остальных философов XVII–XVIII вв. На современном этапе тезис Харца о «локковской парадигме» первой Американской революции, похоже, возрождается, но уже на новом уровне. Ш. Стимсон, например, оценивает влияние Локка в Америке следующим образом: американцы почерпнули у английского просветителя не столько конкретные формы политических институтов, сколько общее отношение к политике, представление об определенности закона и ограниченности разума⁴². Дж. Браун в своей монографии убедительно показала, как в колониальной Америке распространялись приемы локковской педагогики и как соответствующее воспитание подготавливало американцев к восприятию политических идей Просвещения⁴³. Исследования, посвященные влиянию Локка на Американскую революцию, есть и в постсоветской историографии⁴⁴.

³⁶ Bailyn B. Political Experience and Enlightenment Ideas in Eighteenth-Century America // AHR. Vol. 67. No. 2 (Jan., 1962). P. 351.

³⁷ Каримский А.М. Революция 1776 г. и становление американской философии. С. 84.

³⁸ Согрин В.В. Осмысливая путь в профессии. С. 57.

³⁹ Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. С. 88–89.

⁴⁰ Лабутина Т.Л., Ильин Д.В. Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012. С. 8.

⁴¹ Харц Л. Либеральная традиция в Америке. М., 1993. См. также: Dworetz S.M. The Unwarnished Doctrine: Locke, Liberalism, and the American Revolution. Durham, 1990.

⁴² Stimson Sh.C. The American Revolution in the Law: Anglo-American Jurisprudence before John Marshall. Princeton, 1990. P. 47.

⁴³ Brown G. The Consent of the Governed: The Lockean Legacy in Early American Culture. Cambridge, 2001.

⁴⁴ Исаев С.А. Джон Локк и мировоззрение «отцов-основателей» США // Проблемы всемирной истории. СПб., 2000. С. 194–201; Рубинштейн Е.Б. Американская конституционная доктрина и британская политическая мысль в предреволюционный

Проблема американских исследователей «локковской парадигмы» зачастую заключается в том, что идейные истоки революции сводятся к одному-единственному мыслителю. Например, Алекс Такнесс прочитывает «Защиту прав британских колоний» Джеймса Отиса как типичный пример локковской аргументации, не замечая, что Отис в этом памфлете ссылается также на С. Пуффендорфа, Э. де Ваттеля, Дж. Гаррингтона⁴⁵. Собственно, свести всю многообразную протестную риторику Американской революции и весь ранний американский конституционализм к одному Локку можно только искусственно.

При этом тот же Алекс Такнесс делает важное наблюдение о том, что «локковский» дискурс и риторика республиканской добродетели на самом деле не противоречили друг другу. Он выделяет несколько протестных дискурсов в Американской революции: локковский, библейский, легалистский, классический республиканский. Причем последние три могли подвергаться переосмыслению в локковском духе⁴⁶. С этим можно согласиться, но лишь с той поправкой, что вместо «локковского» дискурса стоит подставить более широкое понятие Просвещения. В качестве «локковских» тем Такнесс перечисляет общепросветительские концепты: естественное право, общественный договор, право на сопротивление угнетению⁴⁷. Ничего такого, что было бы уникально для «Двух трактатов о правлении» Локка, в этих концептах нет.

Попытки «ниспровергнуть» Локка как идейного гегемона Американской революции были связаны с появлением «интеллектуальной истории» и углубленным изучением классической республиканской традиции (Бернард Бейлин, Гордон Вуд, Джойс Эпплби и др.). Авторы, развивавшие т. наз. «интеллектуальную интерпретацию» Американской революции, прежде всего Б. Бейлин, подчеркивали влияние в молодом государстве английской оппозиционной мысли⁴⁸. Г. Вуд возводил многие идеи Американской революции к английской идеологии «кантри», у истоков которой стояли Э. Шефтсбери, Г. Болингброк, Гордон и Тренчард⁴⁹. Есть и другие кандидатуры на роль идейных «отцов» США⁵⁰.

В таком же ключе попыталась взглянуть на проблему влияния английского Просвещения Т.Л. Лабутина⁵¹, активно занимавшаяся изучением наследия различных английских мыслителей, особенно раннего периода.

Но влияние английской философской традиции отнюдь не было исключительным. Американцы находились под сильным воздействием шотландского Просвещения. Д. Юм, А. Фергюсон, А. Смит во многом определяли их представления о человеческой природе, политике, экономике⁵². Помимо англоязычной философии XVII–XVIII вв., не следует игнорировать и

период. Кустанай, 2001.

⁴⁵ См. *Otis J. Rights of British Colonies Asserted and Proved*. L., s.d.

⁴⁶ *Tuckness A. Discourses of Resistance in the American Revolution // Journal of the History of Ideas*. Vol. 64. No. 4 (Oct., 2003). P. 549–550.

⁴⁷ *Ibid.* P. 550–551.

⁴⁸ *Бейлин Б.* Идеологические истоки Американской революции. Также: *Lutz D.S. Popular Consent and Popular Control: Whig Political Theory in the Early State Constitutions*. Baton Rouge – London, 1980.

⁴⁹ *Wood G.S. The Creation of the American Republic. 1776–1787*. Chapel Hill, 1969.

⁵⁰ См.: *Coleman F.M. Hobbes and America: Exploring Constitutional Foundations*. Toronto, 1979; *Mace G. Locke, Hobbes, and the Federalist Papers. An Essay on the Genesis of the American Political Heritage*. Carbondale, Ill., 1979; *Houston A.C. Algernon Sidney and the Republican Heritage in England and America*. Princeton, 2014.

⁵¹ *Лабутина Т.Л.* Английский «след» в просветительском движении США, Франции и России // Британский мир. История Британии: современные исследования. М., ИВИ РАН, 2015; *Она же.* Рецепция английского Просвещения в США, Франции и России в XVIII веке // Диалог со временем. М. ИВИ РАН, 2015. Вып. 51.

⁵² *Wills G. Explaining America: The Federalist*. Garden City, N.Y., 1981; *Howe D.W. Why the Scottish Enlightenment Was Useful to the Framers of the American Constitution // Comparative Studies in Society and History*. Vol. 31. No. 3 (Jul., 1989). P. 572–587; *Микешиш М.И.* Социальная философия шотландского Просвещения. СПб., 2005. С. 119–140; *Tanaka H. The Scottish Enlightenment and Its Influence on the American Enlightenment // The Kyoto Economic Review*. Vol. 79. No. 1 (166) (June 2010). P. 16–39.

влияние Просвещения других стран, в особенности мощной философской традиции Франции. Между тем, воздействию французских просветителей на Американскую революцию уделяется значительно меньше внимания. Иногда его полностью отрицают. Историк Д.Х. Мейер, например, утверждает, что Дж. Адамс якобы опасался французских авторов, по причине их религиозного скепсиса⁵³. Примечательно, что в действительности в числе любимых авторов Адамса был и один из самых радикальных французских просветителей – Ж.Ж. Руссо. О конституции Массачусетса, основным автором которой он был, Адамс писал, что его творение – это «Локк, Сидней, Руссо и Мабли, примененные на практике»⁵⁴. Среди французских просветителей, пользовавшихся популярностью в США, следует выделить Ш.Л. Монтескье. О последнем Мэдисон писал: «Монтескье... был в своей особой науке тем, чем был Бэкон в науке универсальной. Он сорвал покров с почтенных заблуждений, порабовавших [общественное] мнение, и указал путь к тем светозарным истинам, которые сам видел лишь мельком»⁵⁵. Тем не менее, исследования, посвященные влиянию на Америку французских просветителей, единичны и касаются только Ш.Л. Монтескье и Ж.Ж. Руссо⁵⁶. Вопрос о возможности восприятия американцами идей энциклопедистов, Мабли или Вольтера никогда не ставился.

Неисследованной остается связь революционного процесса в США с просвещенческим проектом будущего, с образом свободного общества («Царства Разума»), выработанным философами-просветителями. Требуется переосмысление с использованием новых подходов таких проблем, как способы мобилизации масс в США XVIII–XIX вв. и использование при этом просвещенческой идеологии; каналы и средства воздействия и тиражирования просвещенческих идей в американском обществе, роль СМИ в данном процессе; связь революционного процесса со становлением и развитием национального самосознания американцев; образ будущего, создававшийся в эпоху Просвещения, и пути его реализации. В американской историографии также отсутствуют комплексные исследования по указанной проблематике. В данной монографии предпринята попытка представить комплексное исследование влияния идей Просвещения на революционный процесс в США, включая как первую, так и вторую Американскую революцию. Подобная постановка вопроса в таких хронологических рамках до сих пор не была предметом изучения. Революционный процесс рассматривается как неразрывно связанный с просвещенческим образом будущего.

Подытожим: что же такое Просвещение и как можно изучать его проявления не только в трудах философов, но и в повседневной реальности XVII–XVIII вв.? Под Просвещением здесь понимается философское течение, сложившееся в Европе в XVII–XVIII вв. и включающее определенное представление о природе государства и права. Именно в этом качестве оно могло стать импульсом для социального творчества и повлиять на революционный процесс в США. Но просвещенческая философия – это еще и определенный способ кодирования окружающей действительности. Она создавала особый стиль мышления революционеров XVIII века.

Очевидно, что краткое перечисление идей Просвещения просто невозможно; оно для этого слишком масштабно. Но постараемся осветить хотя бы основные.

Просвещение – совершенно особый этап в развитии западной культуры. Просвещенческое мышление обладало характеристиками, отличавшими его от других эписем. Радикализм, утопизм, мессианизм, механицизм, легализм – вот его основные черты. Просвещение ради-

⁵³ Meyer D.H. The Democratic Enlightenment. N.Y., 1976. P. 137.

⁵⁴ Adams J. The Works: 10 vols. / ed. Ch.F. Adams. Boston, 1850–1856. Vol. 4. P. 216.

⁵⁵ Madison J. The Papers: 17 vols. / ed. W.T. Hutchinson and W.M.E. Rachal. Chicago – Charlottesville, 1962–1991. Vol. 14. P. 233.

⁵⁶ Knust H. Montesquieu und die Verfassung der Vereinigten Staaten von Amerika. Munchen-Berlin, 1922; Spurlin P. Montesquieu in America. 1760–1801. Baton Rouge, 1940; Idem. Rousseau in America. 1760–1809. Alabama, 1959; Palmer R.R. Jean Jacques Rousseau et les Etats-Unis // Annales historiques de la Revolution française. T. 34. 1962. P. 529–540; Cohler A.M. Montesquieu's Comparative Politics and the Spirit of American Constitutionalism. Lawrence, Kansas, 1988.

кально на самом глубинном уровне. Все оно строится на отрицании традиции. Прошлое в рамках просвещенческой культуры воспринималось как время дикости и заблуждений, с которым нужно расстаться как можно скорее. Ж.Р. Тюрго, будущий либеральный министр Людовика XVI, изображал всемирную историю как непрерывное прогрессивное развитие: «Мы видим, как образуются общества, формируются нации, которые поочередно то властвуют над другими нациями, то подчиняются им. Империи возвышаются и рушатся; законы, формы правления сменяют друг друга; изобретаются и совершенствуются науки и искусства... Корысть, честолюбие, суетная слава постоянно меняют лицо мира, заливают землю кровью; но посреди разрушений нравы смягчаются, просвещается человеческий ум; изолированные нации сближаются друг с другом; торговля и политика объединяют, наконец, все части света; и весь род человеческий. идет неизменно, хоть и медленным шагом, к все большему совершенству»⁵⁷.

Общество просветители понимали как совокупность автономных индивидов, что перекликается и с их своеобразной картиной истории человечества, которая часто начинается с естественного состояния изолированных человеческих существ и образования государства путем их договора. Эгалитаризм (хотя бы и ограничивающийся требованием упразднить сословное неравенство) – также характерная просвещенческая черта. Он совершенно не свойствен, скажем, мироощущению романтиков, делящих человечество на героев и толпу, или средневековой ментальности. Политические проекты, созданные в рамках Просвещения, как правило, имеют своей отправной точкой представление о неизменности человеческой природы, о естественных правах человека и о столь же абстрактно понимаемой сущности государства. Они всегда ориентированы не на возможное, а на разумное. Отсюда вытекает и пристрастие к разного рода утопиям, которые можно обобщить в едином образе Царства Разума. Философы-просветители верили в то, что современное им общество нуждается во всестороннем реформировании; при этом критерием успешных реформ предполагалась их разумность. Классическую картину Царства Разума рисовал Кондорсе: «Настанет, таким образом, момент, когда солнце будет освещать землю, населенную только свободными людьми, не признающими другого господина кроме своего разума»⁵⁸. Лозунг Американской революции «Свобода и собственность» и лозунг Французской революции «Свобода, равенство, братство» прекрасно передают разные представления о Царстве Разума. Здесь Просвещение было идеологией модернизации. Напомним, что процессом модернизации считается переход от традиционного общества к современному. Он включает взаимообусловленные изменения во всех сферах жизни общества. Среди основных его результатов:

- формирование политических институтов современного типа;
- повышение социальной мобильности и открытости элиты;
- ослабление традиционных ценностей и рост индивидуализма;
- десакрализация политики.

Все эти элементы в той или иной мере присутствовали в просвещенческом образе идеального государства. Как главный источник социального прогресса мыслилась сама просветительская философия. Именно в этом ракурсе ее рассматривал Вольтер в своем «Философском словаре»: «Люди немнящие часто спрашивают людей мыслящих, какую пользу принесла философия. Люди мыслящие могут им ответить: она помогла искоренить в Англии религиозную ярость, погубившую на эшафоте короля Карла I... помогла потушить в Испании ужасные костры инквизиции. Невежды, несчастные невежды, она не допускает, чтобы бурные времена

⁵⁷ *Turgot J.R. Oeuvres. P., 1808. T. 2. P. 53–54.* Об идеализации прогресса в Просвещении см. также: *Becker C.L. The Heavenly City of the Eighteenth-Century Philosophers. New Haven, 1932; Frankel Ch. The Faith of Reason. The Idea of Progress in the French Enlightenment. N.Y., 1948; Illuminati A. Società e progresso nell'illuminismo francese. Urbino, 1972; Нусбет П. Прогресс: история идеи. М., 2007.*

⁵⁸ *Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936. С. 227–228.* Об утопической мысли Просвещения см.: *Мир Просвещения. С. 152–157.*

создали новую Фронду и нового Дамьена. Народы, она смягчает ваши нравы. Монархи, она вас наставляет»⁵⁹. Это и создавало мессианское мироощущение философов-просветителей, а затем и революционеров XVIII в. Они верили в то, что их реформаторские усилия действительно способны изменить весь мир.

При этом Просвещение механистично. «Программой Просвещения было расколдовывание мира. Оно стремилось разрушить мифы и свергнуть воображение посредством знания», — писали Т. Адорно и М. Хоркхаймер⁶⁰. Мир и человек понимались как сложные механизмы, действующие на основе механических импульсов. Соответственно, и управлять ими можно было так, как управляют машинами. Основой именно такого мироощущения стала ньютоновская картина мира. Об этом говорил Дидро: после открытий Ньютона «мир уже не Бог, а машина с колесами, веревками, шкивами, пружинами и гирями»⁶¹. Как отмечал Т.И. Ойзерман, создатели механистического мировоззрения нового времени — энтузиасты «машиноведения»⁶². Картина мира и концепция власти становилась секуляризованной.

Разумеется, неотъемлема от Просвещения установка на распространение знаний, ставшая «визитной карточкой» этого философского течения. «Всякий изучающий историю народных бедствий может убедиться, что большую часть несчастий на земле приносит невежество», — провозглашал К.А. Гельвеций⁶³.

Сравнительно мало изученная сторона Просвещения — его легализм. Разумные законы считались необходимым условием для создания идеального государства. Правовым нормам приписывали прямо-таки чудодейственную силу.

Таковы были идеи и установки, которые американское Просвещение разделяло с европейским. Исследуя американское Просвещение, необходимо помнить о том, что США находились на периферии развития просвещенческой культуры. Идеи Просвещения генерировались в Великобритании и Франции, в то время как в США шла их активная рецепция. Соответственно, американские просветители не были особенно оригинальны в своих теоретических представлениях. Их историческая заслуга совершенно в другом. Есть зерно истины в известной антитезе Коммаджера: Европа «вообразила» себе Просвещение, а Америка его «реализовала». Для коммаджеревского пафоса оснований, конечно, нет; идеальным «Царством Разума» революционная Америка ни в коем случае не являлась. Тем не менее, здесь верно подмечена практическая направленность американской политической философии; американские виги не столько старались развивать теоретические наработки Просвещения, сколько искали способ их воплощения на практике. По справедливому замечанию В.В. Согрина, Американская революция была первой, взявшей принципы Просвещения на вооружение, и первым практическим испытанием просвещенческих идей⁶⁴. Именно с этим отчасти связана сбивающая с толку многих исследователей особенность американского Просвещения: его критическая направленность гораздо менее выражена, чем у французского. Американцы вооружились просвещенческой философией, чтобы создать то, что они видели как *povus ordo saeculorum* — новый ряд веков. Также, в отличие от французского, американское Просвещение не было антифеодальным⁶⁵. Американское Просвещение, как и английское, было тесно связано с идеологическим

⁵⁹ Вольтер. Из «Философского словаря» // Собр. соч. М., 1998. Т. 3. С. 151. Дамьен — ремесленник, совершивший покушение на Людовика XV.

⁶⁰ Адорно Т., Хоркхаймер М. Дialeктика Просвещения. С. 16.

⁶¹ Дидро Д. Соч.: 2 т. / под ред. В.Н.Кузнецова. М., 1991. Т. 1. С. 168. О роли «ньютоновской» модели в политике XVIII в. см.: Нарский И.С. Западноевропейская философия XVIII в. М., 1973. С. 30–33; Striner R. Political Newtonianism: The Cosmic Model of Politics in Europe and America // WMQ. Vol. 52. No. 4 (Oct., 1995). P. 583–608.

⁶² Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983. С. 44.

⁶³ Гельвеций К.А. Соч.: 2 т. Т. 1. М., 1973. С. 310.

⁶⁴ Согрин В.В. Идеиные течения в американской революции. С. 5.

⁶⁵ Хотя работы, критикующие феодализм, в Америке появлялись. Достаточно назвать «Диссертацию о каноническом и феодальном праве» (1765), написанную Джоном Адамсом.

и политическим «наследством» двух английских революций XVII в. В Великобритании и ее колониях в XVIII в. феодализма как системы не было.

Итак, из просвещенческих политических текстов «отцы-основатели» США заимствовали базовые представления о свободе и равенстве, о правах человека и оптимальной организации государственной власти. Менее изученным представляется рецепция в США просвещенческих представлений об этничности, о моральной основе республики, о связи государственного устройства с размером и климатом страны.

При изучении влияния Просвещения на революционный процесс в Америке следует иметь в виду, что просвещенческие идеи отражались не только в дискурсе образованной вигской элиты. Поэтому необходимо исследование не только классических текстов Американской революции, созданных вигской интеллектуальной элитой, но и возможной рецепции просвещенческих идей в более широких кругах населения. Насколько были знакомы с основными просвещенческими концепциями рядовые участники антианглийского сопротивления? И насколько адекватно они эти идеи воспринимали? Одним из источников массового влияния на американское общественное мнение была пресса. Отражала ли она идеи Просвещения?

Существуют источники, позволяющие судить о распространении книг европейских просветителей в Америке. Это, например, реклама книжных лавок, каталоги библиотек, описи имущества колонистов. В XVIII в. круг чтения американцев расширился. Бенджамин Франклин писал о создании филадельфийской «Библиотечной компании» и библиотек в других колониальных городах: «Библиотеки пополнялись благодаря пожертвованиям, чтение вошло в моду, и наши люди, за неимением общественных увеселений, которые могли бы отвлечь их от чтения, все больше тянулись к книгам, так что через несколько лет чужеземцы уже отмечали, что люди у нас более образованные и знающие, чем лица того же звания в других странах»⁶⁶. В 1731 г. для «Библиотечной компании» удалось закупить 45 книг; большую часть из них составляли книги по истории и географии, а также путевые заметки. В числе авторов в каталоге значились Тацит и Плутарх, Пуффендорф и Алджернон Сидней. Из английской классики были выбраны сочинения Аддисона и подшивки знаменитых альманахов «Tatler» («Болтун») и «Spectator» («Зритель»). Зато религиозных сочинений поначалу вообще не было⁶⁷. Пользоваться библиотечным фондом можно было по подписке. С произведениями европейских просветителей американцы знакомились в основном по английским изданиям, но в 1760-х гг. появились и собственно американские издания. Свою роль в популяризации идей Просвещения сыграла и пресса. В колониальных газетах могли помещаться отрывки из «Общественного договора» Ж.Ж. Руссо, «Второго трактата о правлении» Дж. Локка или других знаковых произведений Просвещения.

Однако влияние европейских просветителей нельзя ограничить непосредственным чтением их произведений. В 1760-1780-х гг. их идеи ретранслировались и популяризировались через целый ряд информационных каналов, включая альманахи, памфлеты, периодическую печать и даже проповеди. Это создавало широчайшие возможности для распространения просвещенческих идей. Об их активном усвоении свидетельствуют источники личного происхождения: дневники, письма, мемуары. «Я не чужд доктрин г-на Локка и других лучших защитников прав человечества, касающихся договора, всегда подразумеваемого между правящим и управляемым, и права на сопротивление в последнем случае, когда договор будет нарушен настолько, что не останется никаких других средств для возмещения ущерба. Я смотрю с благоговением, почти равным идолопоклонству, на тех бессмертных людей, которые приняли и применили такое учение в течение части царствования Карла Первого и Якова Второго», —

⁶⁶ Брэдфорд У. История поселения в Плимуте; Франклин Б. Автобиография; Кревекер Сеит Джон де. Письма американского фермера. М., 1987. С. 418–419.

⁶⁷ Edmunds A.J. The First Books Imported by America's First Great Library: 1732 // PMHB. Vol. 30. No. 3 (1906). P. 300–308.

писал в своих мемуарах генерал Континентальной армии Чарльз Ли⁶⁸. О том же говорят резолюции многочисленных митингов, проводившихся по разным поводам, а также инструкции депутатам колониальных ассамблей (позже – депутатам легислатур штатов и ратификационных конвентов). Поэтому необходимо привлечение новых документальных материалов и на их основе пересмотр традиционных оценок революционного процесса в США. В монографии в научный оборот вводится значительное количество ранее недоступных материалов, прежде всего неопубликованных (архивных), а также, периодической печати, памфлетов, листовок и прокламаций, карикатур, редких изданий XVIII–XIX вв.

Но американцы революционной эпохи не просто могли при случае процитировать Локка или Юма. Они пытались воплотить в жизнь просвещенческие ценности и идеалы. Наиболее ярко такие попытки отразились в конституционных документах Американской революции: Декларации независимости, первых конституциях штатов, Конституции 1787 г., что также становится предметом отдельного рассмотрения.

Девятнадцатое столетие, казалось, означало разрыв с наследием просветителей, господствующей эпистемой стал романтизм. Казалось, что просвещенческая парадигма оказалась отброшенной. По нашему мнению, Просвещение завершило и придало стройную форму социокультурному универсуму либерализма.

В американской историографии по существу отсутствуют исследования, посвященные влиянию просветительских идей на революционный процесс в США в XIX столетии, за исключением, пожалуй, монографии Милана Зафировски, в которой была предпринята попытка рассмотреть в общих чертах влияние наследия Просвещения на процесс модернизации и интеграции экономических, политических и социокультурных сфер⁶⁹. Он полагает, что Просвещение способствовало политической модернизации западного общества с точки зрения сосредоточения внимания на демократических ценностях и институтах и создания современных либеральных демократий. Успехи научной революции дали людям уверенность в том, что человеческий разум способен решать социальные проблемы. Несмотря на свою приверженность классической традиции, Просвещение было модернизирующей силой, стремящейся переформатировать культуру и общество на новых началах. Согласно Джеймсу Макгрегору Бернсу, дух американского Просвещения состоял в том, чтобы придать идеалам просвещения практическую, полезную форму в жизни нации⁷⁰.

Когда заканчивается собственно период американского Просвещения и приходится говорить не о нем самом, а о его наследии? Историки расходятся в хронологических векторах. Так, Г. Мэй и А. Кох считают его окончанием 1815 г.⁷¹, а Р. Фергюсон относит его окончание к 1820 г.⁷²

В XIX веке наиболее плодотворными для молодого американского государства остаются идеи английского Просвещения, в интерпретации американских просветителей Б. Франклина, Т. Джефферсона, Дж. Мэдисона, А. Гамильтона. Политические и общественные деятели продолжают апеллировать к локковской традиции, но не только. Преломление просветительских идей происходит в значительной степени через английскую литературу, весьма популярную в образованных кругах американского общества. В то же время в русле распространявшегося в Европе романтизма появляется самостоятельная американская литература в лице В. Ирвинга, Ф. Купера, Н. Готорна, Г. Мелвилла, Э. По, Г. Лонгфелло, У. Уитмена, Г.Д. Торо.

⁶⁸ Lee Ch. *Memoirs of the Life of the Late Charles Lee, Esq. Second in Command in the Service of the United States of America During the Revolution*. L., 1792. P. 214.

⁶⁹ Zafirovski M. *The Enlightenment and Its Effects on Modern Society*. N.Y.: Springer; 2011. 374 p.

⁷⁰ Burns J. *Fire and Light: How the Enlightenment Transformed Our World*. N.Y.: Macmillan, 2013. P. 132.

⁷¹ May H.F. *Religion and the Enlightenment: From Descartes to Kant*. Westminster: John Knox Press, 1996. P. 50; Koch A. *The Comparative Approach to American History*. N.Y.: Oxford University Press, 1997.

⁷² Ferguson R.A. *The American Enlightenment, 1750–1820*. Cambridge: Harvard University Press, 1994.

Революционный процесс, запущенный Войной за независимость, не мог остановиться с принятием основных конституционных документов. Американскому обществу предстояло испытать на практике их реальную ценность и жизнеспособность. Период между Первой и Второй американскими революциями был важнейшим этапом трансформации и модернизации американского государства и общества. Он отличался известной парадоксальностью, сложным переплетением решенных и нерешенных проблем. С одной стороны, в нем одновременно развивались как центристские, так и центробежные тенденции, происходила практическая проверка на прочность союза штатов, подтверждение на практике результатов Первой американской революции. С другой, шло вызревание предпосылок для нового революционного потрясения – Второй американской революции (Гражданской войны и Реконструкции).

Историческая специфика межреволюционного периода в США заключалась в том, что страна избежала торжества контрреволюции, реакционного поворота к прошлому, характерных для европейских революций. Период между Войной за независимость и Гражданской войной был наполнен сложными и противоречивыми модернизационными процессами, реформаторскими инновациями. Нет оснований идеализировать эти процессы трансформации индустриального общества, их негативные черты не подлежат замалчиванию. Однако, именно в этот период в практической плоскости реализовывались и верифицировались просветительские проекты как европейских мыслителей, так и американских «отцов-основателей», в рамках складывающейся эпистемы либерализма. Происходила неизбежная смена парадигм, отказ от устаревших и или не вписывающихся в новую эпистему ценностных установок. Республиканизм оставался скорее общепринятой риторикой, но в нем уже не было необходимости. Буржуазная цивилизация не нуждалась в «суровом счастье Спарты», ей больше подходили утилитаризм или прагматизм. Происходила именно трансформация просветительских ценностей в кредо либерализма. На первый план выдвигались идеи демократии, свободы и прав человека. И ключевым принципом оставалась локковская трактовка права собственности.

Вместе с тем продолжался вечный спор о сущности и функциях государства, общественном договоре, народном суверенитете, реальности механизма разделения властей, о необходимости централизации или децентрализации власти, федерализме и сепаратизме, свободе и правах человека, о возможности решения социальных и политических проблем путем реформ или через посредство революции. Американское общество волновал вопрос, при каких условиях происходит превращение исполнительной власти в тираническое правление и каким образом возможно избежать такой перспективы. Особенно жесткая полемика по этой проблеме ведется в период назревания нового революционного кризиса в связи с усилением влияния в политической сфере плантаторской олигархии.

Центральной линией, которая проходит через весь межреволюционный период, затрагивая Вторую американскую революцию, является идея свободы и демократии, политических и гражданских прав человека. Существующее в стране прямое рабство афроамериканцев несовместимо с идеалами свободы, с провозглашенным в Декларации независимости естественным равенством людей и их правом «на жизнь, свободу и стремление к счастью». Чтобы уничтожить рабовладение, Соединенным Штатам пришлось пройти тяжелые испытания Гражданской войны и Реконструкции. Но решить проблему равноправия белой и черной расы так и не удалось. Отголоски расового неравенства остаются достаточно сильными и в современной Америке.

Глава 1

Рецепция естественно-правовой теории в период Гербового акта (1765–1766)

Рассмотрение революционного процесса в США стоит начать с «увертюры» первой Американской революции. Это период 1765–1774 гг., который некоторые авторы включают в ее хронологические рамки. В современной историографии чаще всего используется другая хронологическая схема, согласно которой началом Американской революции считаются сражения при Конкорде и Лексингтоне в апреле 1775 г., а завершением – принятие федеральной Конституции 1787 г. Однако развитие революции было бы невозможно без десяти лет конфликта с метрополией, который начался после Семилетней войны. Именно тогда сформировалась партия вигов, или патриотов – защитников прав колоний (их противники именовались тори, или лоялистами). Тогда же появились первые программы пересмотра роли колоний в Британской империи. В это время планы вигов были реформистскими и не предусматривали революционного слома имперской власти. С этой точки зрения, 1775 год действительно стал для Америки переломным.

Для темы данной монографии важно, что именно в период 1765–1774 гг. в колониях шло активное усвоение идеологии Просвещения. Данная глава и две последующие ставят своей задачей проанализировать механизмы рецепции просвещенческих идей в Америке и то, как концепции европейских просветителей изменяли сознание и даже повседневную жизнь американцев. Основным источником в этих главах стали средства массовой информации, прежде всего, газеты, издававшиеся в Бостоне. Именно этот источник избран в силу своей массовости, а значит, влияния на общество. Пресса также публиковала документы, исходящие от самых широких слоев белых колонистов: петиции, инструкции депутатам, резолюции митингов. Они позволяют судить о том, насколько были знакомы с основными просвещенческими концепциями рядовые участники антианглийского сопротивления и насколько адекватно они эти идеи воспринимали. При этом именно бостонская пресса задавала тон газетам всех колоний. Ее материалы перепечатывались, им охотно подражали виги других колоний. Кроме того, до 1775 г. именно Бостон был центром политических событий, связанных с противостоянием метрополии.

Окончание Семилетней войны (1756–1763 гг.) для Великобритании ознаменовалось экономическими и финансовыми проблемами. Государственный долг страны составил 132,6 млн фунтов стерлингов. Решать свои трудности английское правительство собиралось за счет жителей североамериканских колоний. Были введены Аллеганский акт 1763 г., Сахарный акт и Денежный акт 1764 г., Квартирный акт 1765 г. (Акт о постое), вызвавшие сильное недовольство американцев. Но самую большую ненависть колонистов вызвал Закон гербовом сборе 1765 г. Предполагалось, что он даст казне метрополии до 60 тыс. ф.ст. в год. Налогом облагались все печатные издания, официальные документы, брачные контракты, торговые соглашения и прочие документы, писавшиеся на гербовой бумаге. Во многих случаях гербовый сбор в несколько раз увеличивал стоимость сделки или покупки. За нарушение закона предусматривались суровые наказания. Пытаясь несколько подсластить пилюлю, английское правительство приняло решение не присылать сборщиков налога из метрополии, а назначить их из среды самих американцев. Поскольку до этого уже был акт о налогообложении колоний – Сахарный акт 1764 г. – и значительного сопротивления он не вызвал, вероятно, инициаторы и защитники гербового сбора не ожидали серьезного конфликта и в этом случае. Так, губернатор Массачу-

сета Ф. Бернард отзывался о гербовом сборе весьма мягко: «Кое-какие постановления, которые могут показаться неприятными только в силу своей новизны»⁷³.

Но колонисты восприняли новый налог как неконституционный и разорительный. Он стал той самой последней соломинкой. Уже копившееся некоторое время недовольство вылилось в масштабный протест. Центральное место в политической теории патриотов занял лозунг «Никакого налогообложения без представительства». Патриоты доказывали, что ни один британский подданный не обязан подчиняться законам или платить налоги, на которые он не дал своего согласия лично или через своих депутатов в парламенте.

В данной главе анализируется роль американской прессы в процессе распространения просвещенческих идей на примере бостонских и отчасти виргинских газет 1765–1766 гг., т. е. на самом первом этапе развития революционного движения в Америке⁷⁴. В третьей четверти XVIII в. резко увеличилось число газет в колониях. В 1750 г. на Атлантическом побережье издавалось 12 газет, в 1775 г. – 48. Росли их тиражи, территория охвата, периодичность выпуска. Тираж самой популярной торийской газеты – «Rivington's New York Gazetteer» – достигал 3600 экземпляров, тираж вигской «Massachusetts Spy» – 3500 экземпляров. Для сравнения: в 1750-х годах средний тираж бостонских газет составлял ок. 600 экземпляров⁷⁵. При этом бостонская пресса, бесспорно, задавала тон патриотической пропаганде всей Америки. С ней сотрудничали прекрасные аналитики – Джеймс Отис⁷⁶, Джон и Сэмюэль Адамсы, Джозайя Куинси. Благодаря налаженному сообщению с Лондоном и соседними колониями газеты имели возможность снабжать читателей актуальной информацией. В период кризиса, связанного с гербовым сбором, видно, как на протяжении одного года менялась концепция новостей. Резко снизилась доля сообщений из Европы, зато известия из других колоний, прежде бывшие редкостью, уверенно заполнили страницы бостонских газет. Там же печатались резолюции массачусетской ассамблеи и многочисленных городских митингов, инструкции депутатам и тому подобные документы.

Ведущую роль играла «Boston Gazette» Идеса и Джилла. Э. Оливер, один из виднейших тори Массачусетса, так характеризовал ее роль: «О настроении народа можно с уверенностью судить по этому проклятому листку. Если настроение толпы в момент публикации и не совпадает с духом писателя, все же на него смотрят, как на оракула, и вскоре сообразуются с его советами»⁷⁷. Возле офиса «Boston Gazette» каждый понедельник собиралась толпа, нетерпеливо ожидающая выхода очередного номера⁷⁸.

Южная пресса не играла такой большой роли в колониальном обществе. Роль печати на Юге была ограничена недостаточной грамотностью населения. Если в Новой Англии грамотность, по крайней мере, среди взрослых была близка к стопроцентной, то в Виргинии, по самым оптимистическим оценкам, грамотными были около двух третей белых мужчин, причем их «грамотность» нередко сводилась к умению подписать свое имя⁷⁹. В результате ни одна из влиятельных газет предреволюционного периода не издавалась южнее линии Мейсона – Диксона. Тем не менее, обе «Virginia Gazette» (в 1765–1766 гг. выходило две газеты с таким названием), как и их северные аналоги, включились в борьбу против Гербового акта.

⁷³ Boston Evening-Post. June 3, 1765.

⁷⁴ Характеристику роли американской колониальной и постколониальной прессы см.: Филимонова М.А. Пресса становится властью. Политические дискуссии на страницах периодической печати США в конце XVIII в. Курск: Курск. гос. ун-т, 2016. 228 с.

⁷⁵ Kobre S. The Foundations of American Journalism. Westport, Ct., 1970. P. 91; Mott F.L. American Journalism. A History of Newspapers in the United States through 260 Years: 1690 to 1950. N.Y., 1950. P. 59, 78.

⁷⁶ По оценке В.В. Согрина, памфлеты Отиса не имели себе равных по теоретической глубине вплоть до появления «Здравого смысла» Т. Пейна: Согрин В.В. Идеиные течения в американской революции XVIII в. М., 1980. С. 75.

⁷⁷ Hutchinson Th., Oliver A. The Letters of Governor Hutchinson, and Lieutenant Governor Oliver, &c. Dublin, 1774. P. 21.

⁷⁸ Chidsey D.B. The World of Samuel Adams. Nashville, Tenn. – New York, 1974. P. 28.

⁷⁹ Billings W.M. e.a. Colonial Virginia: A History. N.Y., 1986. P. 213.

Некому «постоянному читателю» «*Boston Gazette*» Гербовый сбор представлялся в виде «двуликого Януса, с руками загибающимися, как море; он один способен ухватить все наличные деньги континента»⁸⁰. Газеты сравнивали гербовый штамп с печатью зверя из Апокалипсиса⁸¹.

В колониях возникали организации «Сынов Свободы», призванные отстаивать права американцев. Резолюции многочисленных митингов требовали отмены ненавистного закона. Митинг фригольдеров Кембриджа (Массачусетс), 14 октября 1765 г. постановил: «Если данный акт будет иметь место, свобода исчезнет, торговля замрет и погибнет, наши наличные уйдут к казначею его величества и “придет нужда наша, как разбойник”»⁸². В резолюциях митинга в Леминстере (Массачусетс) 3 марта 1766 г. говорилось: «Поскольку мы храним нерушимую верность лучшему из королей, мы должны ненавидеть подлость и безумие людей, давших ему худший из советов [принять Гербовый акт]». Далее утверждалось, что столь пагубный закон, конечно же, был задуман при дворе французского короля и внедрен его агентами по другую сторону Ла-Манша⁸³.

Избиратели инструктировали своих депутатов в колониальных ассамблеях добиваться отмены ненавистного налога. От Нью-Гэмпшира до Южной Каролины устраивали карнавализованные процессии, изображавшие похороны Свободы, «казнили» чучела распространителей гербовых марок⁸⁴. В Нью-Йорке повесили и сожгли чучело самого лейтенант-губернатора⁸⁵. В Южной Каролине сборщика налогов заперли в форте вместе с гербовыми марками, опасаясь, что разъяренные «Сыны Свободы» его попросту убьют⁸⁶. В Бостоне 14 августа 1765 г. состоялась большая демонстрация против гербового сбора. Участники прошли парадом по улицам города, разрушили небольшое здание, намеченное под продажу гербовых марок, и обезглавили чучело сборщика налогов Э. Оливера. «Народ возопил, и глас его был услышан в отдаленных концах континента», – комментировал С. Адамс⁸⁷. Психологическое давление срабатывало во многих случаях. Например, Захария Гуд, гербовщик в Мэриленде, «радостно и охотно» отказывался от своего поста и клялся не распространять гербовых марок ни в Мэриленде, ни где-либо еще во владениях его величества⁸⁸.

«Сыны Свободы» также старались не допустить привоза гербовых марок в колонии, ведь без них проведение соответствующего закона в жизнь становилось попросту невозможным. В Элизабеттауне (Нью-Джерси) воздвигли виселицу и поклялись повесить без суда и следствия первого же, кто станет принимать или распространять гербовую бумагу⁸⁹. В феврале 1766 г. в Плимут (Массачусетс) пришло судно с таможенным разрешением, отпечатанным на гербовой бумаге. Местные «Сыны Свободы» вытребовали «печать рабства» у капитана, а затем устроили массовую демонстрацию с развернутыми знаменами, под бой барабанов. Под «древом свободы» разожгли костер, на котором и уничтожили злосчастную бумагу⁹⁰.

⁸⁰ *Boston Gazette*. Sept. 16, 1765.

⁸¹ *Boston Gazette*. Oct. 21, 1765; Jan. 13, 1766. Имеется в виду следующий отрывок: «И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание» (Откр. 13:16).

⁸² *Boston Evening-Post*. Oct. 21, 1765. Несколько измененная библейская цитата взята из: Притчи 6:11.

⁸³ *Boston Gazette*. Apr. 7, 1766.

⁸⁴ Сообщения о сожжениях чучел сборщиков поступали из Род-Айленда, Коннектикута, Мэриленда и других колоний, даже из Новой Шотландии. Напр.: *Boston Evening Post*. Oct. 28, 1765.

⁸⁵ *Boston Evening-Post*. Nov. 11, 1765.

⁸⁶ *Boston Evening-Post*. Nov. 25, 1765.

⁸⁷ *Adams S. Writings*: 4 vols. / ed. by H.A. Cushing. N.Y., 1968. Vol. 2. P. 201.

⁸⁸ *Boston Gazette*. Dec. 16, 1765.

⁸⁹ *Boston Gazette*. Mar. 3, 1766.

⁹⁰ *Boston Gazette*. Febr. 24, 1766.

Еще одним средством борьбы был бойкот английских товаров⁹¹. «Кларендон» (Дж. Адамс) восхищался: «Купцы пожертвовали даже своим хлебом во имя свободы»⁹².

В октябре 1765 г. в Нью-Йорке состоялся межколонияльный Конгресс гербового акта (Stamp Act Congress). Были представлены девять североамериканских колоний. Принятые на конгрессе 13 резолюций суммировали доводы в защиту прав колоний и их претензии к спорному законодательству.

В итоге бюджет метрополии так и не получил от подавляющего большинства североамериканских колоний ни единого пенни гербового сбора. Лишь Джорджия выплатила жалкие 45 ф. ст. Еще 3233 ф. ст. заплатили Канада, Флорида и Вест-Индия, но и это были крохи по сравнению с запланированным доходом, который должен был составить 172,5 тыс. ф. ст.⁹³ Американцы одержали свою первую победу в конфликте с метрополией. 18 марта 1766 г. Гербовый акт был отменен.

За год кризиса колониальное антианглийское движение сформировалось и окрепло, нашло для себя организационные формы и ритуалы протеста. В оппозицию гербовому сбору были вовлечены широкие массы колонистов. Лидеры движения, получившего название вигов или патриотов, неизменно это отмечали. «Кларендон» (Дж. Адамс) писал: «Люди, даже из низших слоев, стали более внимательными к собственным свободам, больше интересуются ими и готовы защищать их, чем когда-либо»⁹⁴.

Закономерной частью идеологической индоктринации масс была рецепция политической философии Просвещения, происходившая в колониях. Ключевые просвещенческие категории, такие как «общественный договор», «естественное право», «народный суверенитет», стали базовыми элементами революционной идеологии в Америке.

Как бостонская, так и виргинская пресса много делала для популяризации просвещенческой философии. Философы-просветители были медийными персонами, и новости о них публиковались в газетах. Даже относительно плохо осведомленная «Virginia Gazette» не упускала случая сообщить, например, о прибытии в Дувр «знаменитого мсье Ж.Ж. Руссо»⁹⁵. Сообщения о деятельности просветителей, мелькавшие в новостных блоках бостонских газет, были менее лапидарны. «Boston Gazette» сообщала о том, что Д. Юм нашел в Париже любопытные архивные документы, в том числе материалы по «знаменитому договору между Карлом II и Людовиком XIV, двойной целью которого были захват и расчленение Соединенных провинций, а также установление папизма в Великобритании и Ирландии». Газета выражала надежду, что найденная информация даст новый повод почтить Славную революцию, которая «избавила Британский остров от фанатизма и тирании Стюартов»⁹⁶. Другая газета упоминала о намерении Вольтера написать трагедию о Карле I под характерным названием «Судьба тирании»⁹⁷.

Сочинения философов-просветителей были вполне доступны американским читателям. Бостонский книготорговец Джон Мейн предлагал купить новое издание локковского «Опыта

⁹¹ Напр., резолюции бостонских торговцев о бойкоте британских товаров, принятые 9 декабря 1765 г.: Boston Gazette. Dec. 16, 1765.

⁹² Boston Gazette. Jan. 20, 1766.

⁹³ URL: <http://www.stamp-act-history.com/stamp-act/1765-november-1-stamp-act/> (Дата обращения: 16.07.19).

⁹⁴ Boston Gazette. Jan. 20, 1766.

⁹⁵ Virginia Gazette (Purdie and Dixon). Mar. 28, 1766. Вывод А.М. Каримского о том, что в Америке Руссо не пользовался достаточной популярностью (Каримский А.М. Революция 1776 г. и становление американской философии. М., 1976. С. 231), основан лишь на анализе прямого воспроизведения его идей в американских революционных текстах, в то время как престиж данного философа в американском общественном мнении, как видно даже из приведенного краткого сообщения, был очень высок.

⁹⁶ Boston Gazette. Jan. 28, 1765.

⁹⁷ Boston Evening-Post. Mar. 11, 1765; такой трагедии в драматургическом наследии Вольтера нет, источник информации неясен. Реальная позиция Вольтера в данном случае разительно отличалась от ожиданий новоанглийского редактора. Философ резко осуждал казнь Карла I «фанатичными буржуа», как одно из тех событий, которые «заставят содрогнуться будущие века»: Voltaire. Oeuvres complètes: 56 vols. Paris, 1817–1821. Vol. 29. P. 550.

о человеческом разумении» в 3-х томах всего за 12 шиллингов⁹⁸. Он же рекламировал «Философский словарь» Вольтера, превознося «выдающиеся способности этого великого гения, его остроумие и подлинный юмор»⁹⁹. В другом его рекламном объявлении читателям предлагали «Новую Элоизу» и «Эмиля» Ж.Ж. Руссо¹⁰⁰.

Газеты вносили свою лепту. «Boston Evening-Post» публиковала перевод параграфа из «Общественного договора» Ж.Ж. Руссо, в котором говорилось, что конечной целью любого законодательства являются свобода и равенство¹⁰¹. От конкурента не отставала «Boston Gazette»; она опубликовала большую выдержку из «Второго трактата о правлении» Дж. Локка, где, в частности, оправдывалось сопротивление угнетению. Английский философ писал: «Если все люди глубоко убеждены, что законы, а вместе с ними и их достояние, свободы и жизни в опасности, а возможно, и их религия, то я не знаю, что помешает им оказывать сопротивление незаконной силе, которая против них применяется»¹⁰².

Из английских просветителей на страницы американских газет чаще всего попадали Дж. Локк и Т. Гоббс. Второй из них упоминался в сугубо негативном ключе. Наряду с Р. Филмером он считался теоретиком абсолютизма. Дж. Отис отвергал «гоббсовские максимы», которые, в его представлении, сводились к тому, что «господство законно основывается на силе и обмане», «война, кровавая война есть истинное и естественное состояние человека» и т. п.¹⁰³ По мнению автора под псевдонимом «Sentinel», цитировать Гоббса и Филмера могли лишь те, «кто за порабощение рода человеческого»¹⁰⁴. В противовес Гоббсу, Локк оценивался чрезвычайно высоко. В письме в «Boston Gazette» он упоминался как «философ, чьи идеи о правительстве и, в частности, о британской конституции, яснее, чем у всех писателей до него и, возможно, чем у тех, кто пришел после него»¹⁰⁵. Французские просветители, как видно из изложенного выше, также были известны и вызывали интерес. Особенно это касалось Вольтера и Руссо. Зато почти не ощущается влияние высоко ценимого в 1780-х гг. Монтескье, чья схема разделения властей легла в основу федеральной конституции 1787 г. Упоминаний об энциклопедистах в колониальной прессе найти не удалось. Тем не менее, очевидно, что просветительская философия была известна и популярна в колониях. Этот интерес к Просвещению ни в коем случае не был умозрительным и поверхностным.

В период кризиса, связанного с гербовым сбором, просвещенческие максимы приобретали практическое измерение.

Прежде всего, это касалось такой ключевой ценности, как свобода. Дихотомия свобода/тирания в философии Просвещения была связана не только с особенностями государственного строя. Предполагалось, что свобода способствует экономическому процветанию, научному поиску, развитию искусств и многому другому. Ее понимание при этом могло быть различным. В знаменитой «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера говорилось со ссылкой на Ш.Л. Монтескье: «Нет слов... которые бы столь различным образом поражали умы, как слово

⁹⁸ Boston Gazette. Febr. 10, 1766.

⁹⁹ Boston Gazette. Febr. 24, 1766.

¹⁰⁰ Boston Gazette. Sept. 23, 1765.

¹⁰¹ Boston Evening-Post. Febr. 18, 1765. В русском переводе: «Если попытаться определить, в чем именно состоит то наибольшее благо всех, которое должно быть целью всякой системы законов, то окажется, что оно сводится к двум главным вещам: свободе и равенству. К свободе — поскольку всякая зависимость от частного лица настолько же уменьшает силу Государства; к равенству, потому что свобода не может существовать без него»: Руссо Ж.Ж. Трактаты / отв. ред. А.З. Манфред. М., 1969. С. 188. «Общественный договор» был впервые опубликован в 1762 г.

¹⁰² Boston Gazette. Nov. 18, 1765. Русский перевод приводится по: Локк Дж. Сочинения: 3 т. / под ред. И.С. Нарского, А.Л. Субботина. М., 1985–1988. Т. 3. С. 383.

¹⁰³ Boston Gazette. July, 29 1765.

¹⁰⁴ Boston Gazette. Aug. 12, 1765.

¹⁰⁵ Boston Gazette. Aug. 26, 1765.

свобода»¹⁰⁶. Чеканное определение догосударственной («естественной») свободы и свободы человека в обществе дал Дж. Локк: «Естественная свобода человека заключается в том, что он свободен от какой бы то ни было стоящей выше его власти на земле и не подчиняется воле или законодательной власти другого человека, но руководствуется только законом природы. Свобода человека в обществе заключается в том, что он не подчиняется никакой другой законодательной власти, кроме той, которая установлена по согласию в государстве, и не находится в подчинении чьей-либо воли и не ограничен каким-либо законом, за исключением тех, которые будут установлены этим законодательным органом в соответствии с оказанным ему доверием»¹⁰⁷. Здесь была зафиксирована важная для американцев связь между понятием свободы и представительством, суверенитетом народа.

Свобода в общественном мнении колоний времен гербового сбора была окружена ореолом почтения, воспринималась как безусловная ценность. Жители Леминстера (Массачусетс) провозглашали свою готовность в борьбе против гербового сбора пожертвовать всем, что им дорого, кроме своей совести и протестантской религии. По их мнению, последняя неразрывно связана с гражданской свободой¹⁰⁸. «Лучше смерть, чем подчиниться Гербовому акту и утратить наши права и свободы», – гремела «Boston Gazette»¹⁰⁹.

Олицетворения Свободы и Тирании постоянно фигурировали в протестных ритуалах. 1 ноября 1765 в Портсмуте (Нью-Гэмпшир) устроили похороны Свободы, скончавшейся от гербового штампа в возрасте 145 лет (намек на 1620 – год высадки отцов-пилигримов в Америке). Множество людей прошли по центральным улицам под бой барабанов и траурный звон колоколов. Затем была произнесена надгробная речь, но едва она была закончена, как похороненная Свобода счастливо воскресла. Погребальный звон сменился благовестом. А в готовую могилу положили Гербовый сбор. Похожая церемония состоялась в Ньюпорте (Род-Айленд)¹¹⁰.

Тиранию представляли по контрасту в монструозных формах. Дж. Адамс прибегал к красочной риторике: «Пасть могущества всегда раскрыта, чтобы пожирать, его десница всегда простерта, чтобы уничтожить, если возможно, свободу мыслить, говорить и писать»¹¹¹. В Нью-Хэйвене (Коннектикут) во время карнавализованных протестов против гербового сбора присутствовал великан 12 футов высотой, с головой, подсвеченной изнутри. Он изображал местного сборщика налогов. «Boston Gazette» полунасмешливо сравнивала «чудище» с Жеводанским зверем, сеявшим ужас на юге Франции. Великан угрожал разрушением всему вокруг себя, но, разумеется, был с торжеством изгнан под звуки флейт, барабанов и крики «Ура!» Пародийный суд приговорил монстра к сожжению, как «покровителя невежества» и «врага английской свободы»¹¹². Ассоциация между свободой и просвещением здесь очень характерна.

Столь же показательно представление о том, что свобода легко может быть утрачена и практически не может быть возвращена. После установления тирании сторонникам былой свободы можно было сказать лишь: «Поздно теперь жаждать свободы. Следовало прежде бороться, дабы избежать ее утраты»¹¹³. «Сыны Свободы» рассуждали точно так же, и это делало всю ситуацию с Гербовым актом в их глазах крайне напряженной, едва ли не апокалиптической. Уступка парламенту грозила тяжелейшими последствиями. Тем более, что гербовый

¹⁰⁶ Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. М., 1994. С. 167.

¹⁰⁷ Локк Дж. Соч. Т. 3. С. 274.

¹⁰⁸ Boston Gazette. Apr. 7, 1766.

¹⁰⁹ Ibid.

¹¹⁰ Boston Gazette. Nov. 4, 1765; Boston Evening-Post. Nov. 11, 1765.

¹¹¹ Boston Gazette. Sept. 30, 1765.

¹¹² Boston Evening-Post. Sept. 23, 1765; Boston Gazette. Sept. 23, 1765.

¹¹³ Это высказывание, ссылаясь на Иосифа Флавия, приводил Г. Гроций: Гроций Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1994. С. 237. У Флавия см.: Bell. Jud. Lib. II. Cap. XVI.

сбор воспринимался лишь как начало. «Если б[ри-тански]й парламент имеет право ввести гербовый сбор, значит, он имеет право наложить на нас подушный налог, и поземельный, и налог на солод, и на сидр, и на окна, и с дыма. И почему бы не брать с нас налог на солнечный свет, на воздух, которым мы дышим, на землю, в которой нас хоронят?» – рассуждали американские виги¹¹⁴. Неудивительно, что Б. Бейлин считал страх перед тиранией едва ли не главной установкой американской революционной идеологии¹¹⁵.

Такая установка сослужила американцам хорошую службу. Соппротивление гербовому сбору они развернули, не дожидаясь, пока он вступит в силу. К 1 ноября 1765 г. все средства, которыми располагали для противодействия «Сыны Свободы», уже были использованы.

Но в чем для них заключалась свобода и насколько их понимание совпадало с идеями европейских просветителей?

Свобода ассоциировалась для них, как и для всех теоретиков естественного права, с самой человеческой природой. «Любовь к свободе естественна для нашего вида и неразлучна с человеком», – рассуждал некий В.В. на страницах «Boston Gazette»¹¹⁶. Таким образом, свобода существовала до государства и помимо государства.

«У человека есть естественная свобода, поскольку все, у кого одинаковые природа, умственные и физические способности, по природе равны и должны пользоваться одними и теми же общими правами и привилегиями», – писал Дж. Локк¹¹⁷. Американцы были прекрасно знакомы с концепцией естественного права¹¹⁸. Так, в любопытном обращении к колонистам от лица ангела-хранителя Америки говорилось о «тех священных правах, которые природа дала всем людям, без ограничений со стороны какого-либо земного государя или государства»¹¹⁹. При этом американское восприятие естественного права несколько отличалось от доктрин европейских просветителей. Прежде всего, они связывали происхождение права не только с человеческой природой, но и с волей Творца, причем эти две доктрины в их глазах не противоречили друг другу. На митинге жителей Лемингстера (Массачусетс) провозглашалось: «Создатель Природы и Христианской религии сотворил нас свободными»¹²⁰. Почти те же выражения использовали жители Помфрета (Пенсильвания)¹²¹. Американский исследователь Дж. Ф. Рэйд выразил точку зрения, характерную для американцев того времени, в следующей формуле: естественное право есть право, предоставленное и признанное конституцией и законами Великобритании¹²². Как видно из изложенного выше, это не совсем так: естественное право в понимании колонистов существовало все же до появления британской конституции.

Но действительно, еще одна особенность колониальной трактовки естественных прав заключалась в том, что естественное право ассоциировалось с традиционными вольностями англичан, гарантированными Великой хартией и неписаной британской конституцией, а также с правами колонистов, зафиксированными в хартиях колоний. Палата представителей Массачусетса единогласно объявляла, что «существуют определенные важнейшие права британской конституции, которые основаны на законах Бога и природы и являются общими правами человечества». Из этого вытекало положение, что никакой закон сообщества не может, в соот-

¹¹⁴ New London Gazette, перепечатка: Boston Gazette. Sept. 23, 1765.

¹¹⁵ Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции. М., 2010. С. 46–48.

¹¹⁶ Boston Gazette. Oct. 7, 1765.

¹¹⁷ Локк Дж. Соч. Т. 3. С. 189.

¹¹⁸ Исследования Б.Ф. Райта показали, что концепция естественного права проникла в Америку еще в начале XVIII в.: Wright B.F. American Interpretations of Natural Law. A Study in the History of Political Thought. L.-N.Y., 2017. P. 25–38. (1st ed. – 1962).

¹¹⁹ Boston Gazette. Febr. 10, 1766.

¹²⁰ Boston Gazette. Apr. 7, 1766.

¹²¹ Boston Gazette. Jan. 13, 1766.

¹²² Reid J.Ph. The Concept of Liberty in the Age of the American Revolution. Chicago-London, 1988. P. 29.

ветствии с естественным законом, лишить человека этих прав¹²³. То же самое повторялось на многочисленных митингах. Жители Нортон (Массачусетс) провозглашали, что их права основаны на природе, подтверждены хартиями и гарантированы британской конституцией¹²⁴. Фригольдеры города Бриджуотер (Массачусетс) на митинге заявляли, что Гербовый акт нарушает «привилегии их хартии и естественные права»¹²⁵. Митинг фригольдеров Кембриджа (Массачусетс) 14 октября 1765 г. апеллировал «ко всем естественным, прирожденным, конституционным правам англичан»¹²⁶.

Свобода, как правило, ассоциировалась с владением собственностью. Не случайно во всех колониях избирательное право было ограничено имущественными цензами. Предполагалось, что собственники более, чем неимущие, заинтересованы в процветании своей страны. Некоторые возражения против этой общепринятой истины высказывал только Дж. Отис. Он настаивал на расширении избирательного права: «Невозможно привести убедительный довод в любой стране против того, чтобы любой человек в здравом рассудке мог голосовать на выборах представителя. Если у него немного собственности, которую надо защищать, все же его жизнь и свобода имеют некоторую ценность»¹²⁷. Но для большинства американцев свобода и собственность были тесно связаны. За свободу и собственность пили в Портсмуте (Нью-Гэмпшир) на банкете 1 ноября 1765 г.¹²⁸ В Коннектикуте от сборщика налогов Дж. Ингерсолла¹²⁹ потребовали не только публично отречься от своей должности, но и трижды повторить слова «Свобода и собственность», на что «Сыны Свободы» откликнулись троекратным «ура!» После чего вся компания в полном согласии отправилась обедать в таверну¹³⁰. «Boston Evening-Post» выходила с девизом «Единый голос всех свободных и лояльных подданных его величества в Америке: Свобода, Собственность и никаких Гербовых марок!»¹³¹ Автор под псевдонимом «Превосходный» упоминал полностью классическую локковскую триаду: «защиту жизни, свободы и собственности»¹³².

Итак, в протестах против Гербового акта концепция свободы оказывалась неразрывно связана с собственностью. Инструкции Ньюбери (Массачусетс) их представителю в генеральной ассамблее колонии гласили: «Народ без собственности или с ненадежным владением такой находится не в лучшем состоянии, чем рабы. Ибо свобода и даже сама жизнь не имеют ценности, если не наслаждаться ими, что невозможно без собственности»¹³³. «Boston Gazette» впадала в поэтический тон: «Взгляните, как солнце украсило облака на западе, одело их в багрянец, пронизало их золотом. Так украшается наше домашнее благополучие Собственностью, так совершенствуются наши общественные привилегии Свободой»¹³⁴.

Из конкретных прав и свобод европейские просветители выше всего ценили свободу совести. «Свобода совести есть великая привилегия подданного», – объявлял Локк¹³⁵. О том

¹²³ Boston Evening-Post. Nov. 4, 1765.

¹²⁴ Ibid.

¹²⁵ Boston Evening-Post. Sept. 30, 1765.

¹²⁶ Boston Evening-Post. Oct. 21, 1765.

¹²⁷ Boston Gazette. July 22, 1765.

¹²⁸ Boston Evening-Post. Nov. 11, 1765.

¹²⁹ Ингерсолл, Джаред (1722–1781) – адвокат, агент Коннектикута при королевском дворе. В 1765 г. он был назначен сборщиком гербового налога в своей колонии, что и вызвало недовольство «Сынов Свободы».

¹³⁰ Boston Gazette. Sept. 30, 1765.

¹³¹ Boston Evening-Post. Nov. 18, 1765.

¹³² Boston Evening-Post. Oct. 28, 1765.

¹³³ Boston Gazette. Nov. 4, 1765.

¹³⁴ Boston Gazette. Nov. 25, 1765.

¹³⁵ Локк Дж. Соч. Т. 3. С. 74.

же писал Вольтер¹³⁶. Но к дебатам о Гербовом акте веротерпимость отношения не имела и потому не упоминалась (возможно, также потому, что Новая Англия веротерпимостью как раз не отличалась). Высоко ценилась в европейском Просвещении также свобода слова. «Свободный народ, мыслящий народ, – писал К.А. Гельвеций, – всегда повелевает народами, которые не мыслят. Следовательно, государь должен говорить народу истину, ибо она полезна, и дать ему свободу печати, ибо это – средство открыть истину. Повсюду, где нет этой свободы, невежество, подобно глубокой ночи, охватывает умы»¹³⁷. Правда, следует отметить, что Гельвеций, с его типично просвещенческим оптимизмом, не допускал возможности использования печати для манипуляции сознанием масс. «Но разве эта свобода не приведет к массе странных взглядов? – рассуждал философ. – Это не страшно. Разуму нетрудно будет опровергнуть эти взгляды тотчас после их появления, и они не смогут нарушить мир государства»¹³⁸. Примерно так рассуждали и американские редакторы. «Нет свободы в нашей стране, которая ценилась бы дороже свободы печати, и с полным основанием, ведь если она погибнет, в одно мгновение исчезнет все, чем мы хвалимся», – объявлялось в «Boston Gazette»¹³⁹. «Boston Evening-Post» в октябре 1765 г. поместила большое эссе о свободе печати. Именно благодаря свободе печати, утверждала газета, «вся ученость, остроумие и гений нации могут быть использованы на стороне свободы». Газета доказывала, что свобода печати ни в коем случае не может привести к народным восстаниям. Это не то, что афинские демагоги и римские трибуны. Печатное слово воспринимается иначе, подчеркивал автор. Ведь газету читают в одиночестве и хладнокровно, следовательно, опасные страсти не могут зародиться от чтения. Слух в деспотическом государстве опаснее, чем памфлет в свободном, ведь подданные деспота не привыкли мыслить независимо или различать правду и фальшивку. Участие в свободном обсуждении политики развивает ум, и человека труднее увлечь нелепым слухом¹⁴⁰.

Однако Гербовый акт косвенно ограничивал и эту свободу. Газеты и другие периодические издания должны были помещать у себя гербовый штамп, и его стоимость удорожала их выпуск. Американские издатели забеспокоились. В октябре 1765 г. «Boston Gazette» вышла с изображением черепа и костей на том месте, где нужно будет ставить гербовую печать¹⁴¹. Популярный «Альманах Эймса» на 1766 год был опубликован заблаговременно, чтобы дать читателям возможность приобрести его по обычной цене. В своей рекламе издатель указывал цену «до того, как вступит в силу гербовый сбор» – полдоллара за шесть экземпляров или шесть медяков за один. После рокового 1 ноября, предупреждал Эймс, цена должна возрасти более, чем вдвое¹⁴². Некий автор в «Boston Gazette» и вовсе предлагал писать на древесной коре и таким образом избежать необходимости ставить гербовую марку¹⁴³. Правда, в действительности столь радикальные меры не потребовались. Ведущие колониальные газеты просто проигнорировали гербовый сбор и продолжали выходить без пресловутого штампа, даже когда закон вступил в силу.

Гербовый акт поставил также вопрос о роли избирателей в политическом процессе. Резолюции митинга в Бостоне 17 сентября 1765 г. провозглашали «важнейшими правами британских подданных» наличие собственных представителей в том органе, который вводит новые

¹³⁶ Вольтер. Философские трактаты и диалоги. М., 2005. С. 138.

¹³⁷ Гельвеций К.А. Соч.: 2 т. / сост. Х.Н. Момджян. М., 1973–1974. Т. 2. С. 458.

¹³⁸ Там же. С. 459.

¹³⁹ Boston Gazette. June 10, 1765.

¹⁴⁰ Boston Evening-Post. Oct. 14, 1765.

¹⁴¹ Boston Gazette. Oct. 7, 1765.

¹⁴² Boston Gazette. Sept. 16, 1765.

¹⁴³ Boston Gazette. Dec. 9, 1765. В Гербовом акте упоминались лишь документы, написанные либо напечатанные на бумаге, пергаменте, велени.

налоги, а также суд присяжных¹⁴⁴. Оба эти принципа (в переосмысленном и модернизированном виде) были заимствованы из Великой хартии вольностей. Но кого можно считать представителями американцев в законодательной власти империи? Парламент Великобритании, – утверждали тори. Да, там нет депутатов, избранных колонистами, но ведь то же самое можно сказать и о многих англичанах. Для доказательства этого положения использовалось несовершенство избирательной системы самой Англии. До реформы 1832 г. в Англии существовали города (в том числе такие крупные, как Бирмингем, Манчестер, Лидс, Шеффилд) и целые районы, не имевшие собственных избирательных округов¹⁴⁵. Однако, по мнению лоялистов, было бы абсурдом сказать, что эти города и районы не были представлены в парламенте¹⁴⁶. Эта доктрина получила название «фактического», или «виртуального» представительства (*virtual representation*). Губернатор Массачусетса Ф. Бернард, основываясь на этом представлении, настаивал на том, что парламент имеет верховную власть «над всеми частями своей обширной и широко распространенной империи». При этом для него право парламента заключалось, собственно, в том, что свои законы он может навязать Массачусетсу силой¹⁴⁷. Вигов подобные рассуждения возмущали до глубины души. «Гемпден» (Дж. Отис) доказывал, что никакое фактическое представительство не прописано в законе. Он иронически интересовался: «Если бы однажды Британская империя распространилась на весь мир, разве было бы разумно, чтобы заботами всего человечества ведали избиратели из Старого Сарума?»¹⁴⁸ Все более уверенно виги связывали власть парламента с принципом народного суверенитета.

Противовесом *virtual representation* могло бы стать *actual representation*, действительное представительство в британской Палате общин депутатов, избранных колонистами. Но эта идея была трудноосуществима на практике и уже в 1765 г. не пользовалась популярностью. Таково было мнение Дж. Отиса: «Я совершенно убежден, что американское представительство в парламенте в любой форме будет абсолютно неприемлемо для колонистов. В силу удаленности, бедности и других обстоятельств оно справедливо считается неосуществимым»¹⁴⁹. На той же позиции стояла генеральная ассамблея Массачусетса. Ее официальный ответ на послание губернатора гласил: «Ваше превосходительство признает, что существуют определенные изначальные прирожденные права, принадлежащие народу, которые сам парламент не может отнять, в соответствии с собственной конституцией. Среди них представительство в том самом органе, который имеет полномочия вводить налоги. Необходимо, чтобы подданные Америки осуществляли эту власть самостоятельно. В противном случае они не смогут пользоваться этим важнейшим правом, поскольку они не представлены в парламенте, и на самом деле мы считаем это неосуществимым»¹⁵⁰. Наконец, резолюции Конгресса гербового сбора гласили, что колонии не могут быть представлены в британском парламенте, и единственными их представителями являются колониальные ассамблеи¹⁵¹.

¹⁴⁴ Boston Evening-Post. Sept. 23, 1765.

¹⁴⁵ См. подробнее: *Porritt E.* The Unreformed House of Commons: Parliamentary Representation before 1832. Vol. 1. N.Y., 1963. P. 1–19, 85–98.

¹⁴⁶ *Howard M.* A Letter from a Gentleman at Halifax // *Pamphlets of the American Revolution, 1750–1776* / ed. B. Bailyn. Cambridge, Mass., 1965. Vol. 1. P. 537; *Seabury S.* Letters of a Westchester Farmer. 1774–1775. N.Y., 1970. P. 122. Доктрина *virtual representation* была распространена и в самой Англии. См.: *Miller P.N.* Defining the Common Good: Empire, Religion and Philosophy in Eighteenth-Century Britain. Cambridge, 1996. P. 248–258; *Барлова Ю.Е.* «Гнилые местечки» в истории Англии // ВИ. 1999. № 6. С. 150–154.

¹⁴⁷ Boston Gazette. Sept. 30, 1765; Boston Gazette. July 29, 1765.

¹⁴⁸ Boston Gazette. Jan. 20, 1766. Старый Сарум был необитаем по крайней мере с XVII в., но до 1832 г. посылал в парламент двух депутатов.

¹⁴⁹ Boston Gazette. Dec. 30, 1765. Впрочем, позиция Отиса по данному вопросу была крайне непоследовательной. См. об этом: *Белявская И.А.* Джеймс Отис и его роль в подготовке Войны за независимость // АЕ. 1975. М., 1975. С. 180–183.

¹⁵⁰ Boston Gazette. Oct. 28, 1765.

¹⁵¹ Boston Gazette. Mar. 24, 1766. Как отмечает В.В. Согрин, эти резолюции «похоронили» идею парламентского представительства колоний: *Согрин В.В.* Идейные течения в американской революции XVIII в. С. 73–74.

Это, собственно, была концепция «империи без метрополии», в которой британский парламент не обладал более высоким статусом, чем колониальные ассамблеи. Такого мнения держался С. Адамс: колониальные ассамблеи имеют точно такое же право облагать налогом англичан, какое есть у английского парламента в отношении американцев¹⁵². Избиратели Ипсуича (Массачусетс) считали, что один и тот же народ не может находиться под верховной властью двух законодательных органов одновременно; такое положение противоречило самой природе управления и здравому смыслу. Это уже означало полное отрицание власти парламента в колониях¹⁵³.

В политической философии Просвещения принцип народного суверенитета связывался с договорной теорией происхождения государства. Можно выделить несколько основных вариантов этой теории. У Руссо и некоторых радикальных американских патриотов субъектами общественного договора были индивиды, объединяющиеся в сообщество; в результате этого договора появлялся народ как субъект политики¹⁵⁴. У исследователей политической философии Просвещения такой договор получил название «*pactum associationis*» («договор сообщества»). Более распространенной была концепция «*pactum subjectionis*» («договор подчинения»). Согласно ей, договор заключался между правительством и народом и, собственно, создавал государство. Эту концепцию развивали практически все авторы, видевшие в общественном договоре определение взаимных обязательств правителей и управляемых. Общественный договор накладывал на государство обязанность защищать подданных, а подданных обязывал повиноваться законам. Именно такое представление об общественном договоре воспринималось в XVIII в. как общее место. В «Энциклопедии» оно излагалось следующим образом: «Если природа и установила какую-то власть, то лишь родительскую, притом она имеет свои границы и в естественном состоянии прекращается, как только дети научатся сами руководить собой. Любая другая власть ведет свое происхождение не от природы. При внимательном изучении у нее всегда оказывается один из двух источников: либо насилие и жестокость того, кто ее себе присвоил, либо согласие тех, кто ей подчинился по заключенному или подразумеваемому договору между ними и тем, кому они вручили власть»¹⁵⁵. Договорная теория предполагала, что законная власть обязательно является ограниченной. В той же статье «Энциклопедии» говорилось: «Власть свою государь получает от своих же подданных, и она ограничена естественными и государственными законами»¹⁵⁶.

Ту же идею взаимных обязательств подданных и правителей развивал С. Адамс: «Разве подчинение не подразумевает защиту?... Разве у людей возникла бы идея подчинения какому-либо земному государю, если бы они не сочли необходимым создать правительство на земле, под властью Бога, чтобы защитить свои естественные права?»¹⁵⁷ Соответственно, как и в европейских теориях общественного договора, власть ни в коем случае не мыслилась абсолютной. Если парламент не будет соблюдать права подданных, он попросту превратится в деспотическую власть. Даже предположение, что парламентарии могут задумать нечто подобное, крайне оскорбительно. Так рассуждала генеральная ассамблея Массачусетса¹⁵⁸.

При этом, в отличие от европейских просветителей, не находивших для общественного договора исторических прецедентов¹⁵⁹, колонисты видели его воплощение в конкретных документах. Таковыми они считали колониальные хартии. В дальнейшем, как справедливо отме-

¹⁵² «*Britannus Americanus*» // *Boston Gazette*. Mar. 17, 1766.

¹⁵³ *Boston Gazette*. Nov. 4, 1765.

¹⁵⁴ Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / отв. ред. Г.Э. Кучков. М., 1998. С. 207–209.

¹⁵⁵ Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. С. 434.

¹⁵⁶ Там же. С. 435.

¹⁵⁷ «*Britannus Americanus*» // *Boston Gazette*. Mar. 17, 1766.

¹⁵⁸ *Boston Gazette*. Oct. 28, 1765.

¹⁵⁹ Напр.: Локк Дж. Соч. Т. 3. С. 319–320.

чает А.М. Каримский, они воплотят формальный общественный договор в конституционных актах¹⁶⁰. Пока же коннектикутская газета объявляла колониальные хартии «подлинным договором» между королем и колонистами¹⁶¹. «Boston Evening-Post» расшифровывала содержание общественного договора: основатели колоний приняли на себя риск освоения североамериканских территорий, они при этом сохраняют лояльность к королю; король же обязан их поддерживать и защищать, а также гарантировать им сохранение всех прав английских подданных¹⁶².

Но при этом казалось совершенно очевидным, что со стороны правителей общественный договор постоянно нарушается. Автор под псевдонимом «Филэлевтерус» приходил к пессимистическому выводу: «Неограниченную власть нельзя доверить чьим-либо рукам, кроме Существа бесконечно мудрого и доброго. Люди всегда злоупотребляли ею и будут злоупотреблять»¹⁶³. В этом случае народ получал право на восстание. Те идеи, которые Джефферсон изложил в «Декларации независимости», уже начинали будоражить колониальное общество. Почти тем же языком изъяснялся анонимный автор из Нью-Йорка: если права народа нарушены, «тогда он (народ. – М.Ф.) может естественным образом забрать те полномочия, которые сам же дал». Народ снова становится сувереном и принимает на себя всю ответственность, которая прежде лежала на магистратах¹⁶⁴.

Пассивное повиновение деспотическим законам резко осуждалось. Виргинец, писавший под псевдонимом «Northamptoniensis», яростно нападал на «адвокатов пассивного подчинения»¹⁶⁵. «Pennsylvania Journal» гремела: «Каждый миг нашего терпеливого подчинения мы постыдно пренебрегаем нашим долгом перед самими собой и нашим потомством»¹⁶⁶. Зато на Барбадосе гербовый сбор был введен, не встретив сопротивления, чем американцы были искренне возмущены. «Сыны Свободы» из Нью-Гэмпшира предлагали отказаться от торговых связей с островом¹⁶⁷. Джон Адамс выражал свое возмущение: «Неужели нельзя придумать никакого наказания для Барбадоса и Порт-Ройяла на Ямайке? За их низкое отречение от дела свободы? За трусливую уступку прав британцев? За подлое, малодушное примирение с рабством?.. Они заслуживают быть рабами своих собственных негров»¹⁶⁸.

Из естественно-правовой теории следовало утверждение равенства, ведь все люди обладают одинаковой природой. Дж. Адамс безапелляционно утверждал: «Низший из людей, по неизменным законам Бога и природы, получил такое же право на воздух, чтобы дышать, свет, чтобы видеть, пищу и одежду, как дворянин или король. Все люди рождаются равными»¹⁶⁹. Свобода в американском дискурсе времен гербового сбора редко ассоциировалась с равенством; скорее с собственностью. Однако тема равенства/неравенства возникала в колониальной прессе уже в это время. Гербовый сбор создавал неравноправие между англичанами и американцами. Резолюции митинга в Брейнтри (Массачусетс) 24 сентября 1765 г., составленные тем же Дж. Адамсом, отмечали, что введение адмиралтейских судов не только нарушало Великую хартию вольностей, но и «создавало такое различие между подданными в Великобритании и Америке, какого мы не могли ожидать от хранителей свободы (т. е. парламента. – М.Ф.)»¹⁷⁰.

¹⁶⁰ Каримский А.М. Революция 1776 г. и становление американской философии. С. 239.

¹⁶¹ Перепечатка: Boston Gazette. Sept. 23, 1765.

¹⁶² Boston Evening-Post. July 1, 1765.

¹⁶³ Boston Gazette. Febr. 24, 1766. (Перепечатка из Pennsylvania Journal.)

¹⁶⁴ Boston Gazette. Dec. 2, 1765.

¹⁶⁵ Virginia Gazette (Purdie and Dixon). Apr. 4, 1766.

¹⁶⁶ Boston Gazette. Febr. 24, 1766. (Перепечатка.)

¹⁶⁷ Boston Gazette. Dec. 16, 23, 1765; Jan. 6, 1766.

¹⁶⁸ Adams J. Diary and Autobiography: 4 vols. / ed. L.C. Faber. Cambridge, Mass., 1961. Vol. 1. P. 285.

¹⁶⁹ Clarendon // Boston Gazette. Jan. 27, 1766.

¹⁷⁰ Boston Gazette. Oct. 14, 1765.

В Виргинии «Честный Бакскин» рассуждал: «Равенство конституционных прав – вернейшее средство прочно скрепить королевство»¹⁷¹.

Но полного равенства для всех на деле не подразумевалось. Речь шла лишь о правах свободных белых мужчин-собственников. Даже в северных колониях, таких, как Массачусетс, существовали чернокожие рабы и белые подневольные слуги-сервенты. На одной и той же странице могли соседствовать возвышенные гимны свободе и объявления о продаже рабов. Отис возмущался тем, что «законы торговли и христианская совесть» считают африканцев таким же товаром, как «зубы мертвых слонов и желтая пыль из Гамбии»¹⁷². Но он представлял исключение. Доходило до того, что аргументация в защиту свободы и равенства становилась попросту расистской. Дж. Адамс, подражая необразованному фермеру Хамфри Плафджоггеру (букв.: Хамфри Деревенщине), рассуждал о том, что, если бы Провидение пожелало сделать американцев рабами, то дало бы им черную кожу и другие расовые признаки африканцев. Но раз это не так, «я говорю, мы такие ж красивые, как те, в Старой Англии, так уж должны быть свободными»¹⁷³.

Соответственно, риторика, описывавшая протест как своеволие и бунт, могла использоваться и использовалась лоялистами в отношении вигов, а вигами – в отношении рабов. «Boston Gazette» перепечатывала отрывки писем из Лондона, где говорилось о дебатах парламента относительно «американского восстания, которое многие называют мятежом». Характерен выбор обозначений для протестов против гербового сбора: disturbances (волнения); rebellious Americans (мятежные американцы); rather too licentious (слишком разнузданные); riotous proceedings (мятежные действия). Такова была точка зрения метрополии¹⁷⁴.

В то же время из Южной Каролины зимой 1765–1766 гг. доходили слухи о готовящемся восстании рабов и всеобщей резне, намеченной на канун Рождества. «Virginia Gazette» живописала подробности: случайное раскрытие заговора некой негритьянкой, большое количество спрятанного заговорщиками оружия. Колонию патрулировали конные отряды; против мятежников ожидалась самые жестокие меры. Бостонская газета перепечатывала данную информацию без каких-либо комментариев. Одновременно, на той же самой странице приводилось циркулярное письмо из Сент-Джеймса к губернаторам колоний, призывавший использовать сухопутные и морские силы его величества для подавления выступлений «Сынов Свободы»¹⁷⁵. Проводили ли читатели какую-либо параллель? Скорее всего, нет.

В текстах времен гербового сбора просвещенческая концепция свободы как естественного права человека соседствовала со средневековым понятием привилегии. В мемориалах, петициях и ремонстрациях, изданных в 1765 г. виргинской генеральной ассамблеей, слова «свобода», «право» и «привилегия» употреблялись как взаимозаменяемые. Инструкции города Провиденс своим представителям в генеральной ассамблее Род-Айленда упоминали о привилегиях и иммунитетах, которыми колонисты пользовались с момента заселения региона. Но в тех же инструкциях упоминались и естественные права¹⁷⁶. Здесь обычно использовались ссылки на правовые обычаи, утвердившиеся со времен основания колоний, а также на колониальные хартии. «Boston Evening-Post» доказывала: «Разве не соответствует конституции Великобритании, чтобы наш справедливый и милостивый король и британский парламент правили британским королевством и доминионами в соответствии с хартиями, древними привилеги-

¹⁷¹ Virginia Gazette (Purdie and Dixon). Apr. 4, 1766.

¹⁷² Boston Gazette. Dec. 16, 1765. Почти полное отсутствие аболиционистской риторики в 1760-х гг. выглядит немного странно, ведь первое американское антирабовладельческое произведение – «Продажа Иосифа» Сэмюэля Сьюолла – вышло еще в 1700 г. См.: Град на холме. Антология американской литературы XVII в. М., 2020. С. 168–171.

¹⁷³ Boston Gazette. Oct. 14, 1765.

¹⁷⁴ Boston Gazette. Febr. 17, 1766.

¹⁷⁵ Boston Gazette. Febr. 10, 1766; Virginia Gazette (Purdie and Dixon). Mar. 7, 1766.

¹⁷⁶ Boston Evening-Post. Aug. 19, 1765.

ями, и установленными законами, и общими обычаями?»¹⁷⁷ Газета приходила к убеждению: «Согласно королевской хартии, мы обладаем исключительным правом вводить у себя внутренние налоги и лишь должны платить нашему царственному суверену пятую часть золота и серебра, в какое-либо время добытых в колонии»¹⁷⁸. А поскольку ни золото, ни серебро в Массачусетсе не добывалось, то и английской казне колония ничего не должна. «Постоянный читатель» живописал: «Наши отцы по королевской лицензии и дозволению и за свой собственный счет перебрались из королевства Англия в американскую глушь. Они переносили трудности и бедствия, о которых страшно рассказывать!.. Они никогда не ждали величия для себя и своих детей, но только тихое жилище и скромный доход, “с правом на все вольности и иммунитеты свободных и прирожденных подданных любого из владений короля”... На то некоторым или всем колониям дано священное королевское слово»¹⁷⁹.

Следует сделать вывод, что понимание свободы в колониальном общественном мнении было весьма непоследовательным и еще не включало укоренившегося представления о естественном равенстве людей.

Есть еще один сюжет, связанный с колониальным пониманием свободы, который уже тогда был очень важен для Америки, хотя европейские просветители эту тему не затрагивали. Это проблема экономической свободы колоний. В то время в Великобритании господствовала старая меркантилистская концепция колониальной экономики. Уже в 1669 г. было запрещено вывозить из колоний шерсть, пряжу, шерстяные изделия, а также перевозить их из одной колонии в другую. В 1699 г. парламент принял Шерстяной акт, запрещающий вывоз тонких шерстяных тканей, производимых в Новой Англии и среднеатлантических колониях, не только за пределы колонии, но даже за черту того города, где находилась соответствующая мануфактура. Таким образом, шерстяная промышленность колоний была обречена ограничиться мелкомасштабным производством сугубо местного характера. Аналогичным был Шляпный акт 1732 г., запрещающий вывоз фетровых шляп и торговлю ими. Особенно тяжелым для американской промышленности оказался Железный акт 1750 г. Согласно этому акту, американские железодельные мануфактуры могли производить лишь полуфабрикаты: чугуны в чушках и прутьях, заготовки для гвоздей, листовое железо и т. п. Производство готовых металлических изделий запрещалось. Продукция могла экспортироваться только в Англию¹⁸⁰. Помимо меркантилистского законодательства, на колониальных мануфактурах пагубным образом отражалась конкуренция английской промышленности – во второй половине XVIII в. уже мощнейшей в мире. Американская экономика, таким образом, приобретала уродливый, односторонний характер. Это был прежде всего аграрно-сырьевой придаток Англии. Политика метрополии была направлена на поощрение производства в колониях необходимого ей сырья и отдельных отраслей промышленности (например, кораблестроения в Новой Англии).

Европейские просветители, будучи сами подданными могущественных колониальных империй, считали такое положение вещей нормальным. Аналогии американской тактике бойкотов можно найти только в «Письмах Суконщика» Дж. Свифта (1724–1725). «Суконщик» так писал о положении Ирландии: «И мужчины и женщины, преимущественно женщины, с презрением и отвращением отказываются носить вещи отечественного изготовления – даже те, что сделаны лучше, чем в иноземных странах... Даже пиво и картофель доставляют из Англии, и также хлеб, а наша внешняя торговля сводится к ввозу французских вин, за которые, как мне известно, мы платим наличными»¹⁸¹. Соответственно, в качестве антианглийской меры пред-

¹⁷⁷ Boston Evening-Post. Oct. 21, 1765.

¹⁷⁸ Ibid.

¹⁷⁹ Boston Gazette. Sept. 16, 1765.

¹⁸⁰ English Historical Documents. Vol. 9. American Colonial Documents to 1776 / ed. M. Sensen. L., 1955. P. 416–417.

¹⁸¹ Англия в памфлете. Английская публицистическая проза / сост. И.О. Шайтанов. М., 1987. С. 417.

лагался бойкот импортной продукции. Однако не ясно, были ли американские виги знакомы с данным произведением Свифта или пришли к той же мысли самостоятельно.

Так или иначе, колонисты уже в 1765 г. требовали для себя экономической свободы. Дж. Отис обрушивался на положение Монтескье о том, что «закон Европы» запрещает колониям развивать мануфактуры и торговать напрямую с любыми странами, кроме собственной метрополии¹⁸². Отиса это возмущало: «Колонист не может сделать пуговицу, подкову или гвоздь без того, чтобы какой-нибудь чумазый скобарь или респектабельный пуговичник в Британии не раскричался, будто... его обманывают и грабят подлые американские республиканцы»¹⁸³. И действительно, в метрополии закупалось буквально все: одежда, украшения, лекарства, семена садовых растений, даже гвозди и проволока. В числе товаров, привезенных в Бостон из метрополии летом 1765 г., рекламировались оловянные блюда, гвозди, булавки, швейные и штопальные иглы¹⁸⁴.

Реформирование законодательной власти империи, о котором мечтали американские виги, могло быть дополнено изменениями в ее экономике. Колонии могли получить возможность развивать собственное производство. «*Virginia Gazette*» грезил о том, что равенство в экономическом отношении будет переворотом во всей системе британского меркантилизма. «Ост-Индская компания будет в ужасе; вест-индские плантаторы попадут под огонь». Зато это будет началом процветания Британии; виргинский автор сравнивал это будущее благоденствие с описанием Тира в Книге пророка Исаии, города, «которого купцы [были] князья, торговцы – знаменитости земли»¹⁸⁵. С этой точки зрения, бойкот английских товаров, провозглашенный купцами нескольких колоний, мог послужить действенным средством борьбы против Гербового акта, но не только. «Если кусочек французского шелка мог побудить 100 тысяч спиталфилдских ткачей атаковать самый п[арламен]т, то каковы будут последствия, когда очень большая часть мануфактуристов Великобритании останется без дела?» – рассуждала «*Boston Evening-Post*»¹⁸⁶. Однако для того же Отиса это было нечто большее. Он предлагал полностью изменить систему торговли в империи, уничтожив все монополии и открыв для колонистов порты всего мира¹⁸⁷. Этот проект был, конечно, преждевременным.

Однако некоторое импортозамещение все же наблюдалось. Газеты с удовольствием рассказывали о его успехах. «*Boston Gazette*» сообщала о 18 дочерях свободы, которые отказались от покупки изделий британской промышленности до отмены гербового сбора. Девушки пряли с рассвета до заката во имя развития американских мануфактур, причем газета особо отмечала, что патриотки даже отказались делать перерыв на чаепитие¹⁸⁸. Из Филадельфии писали, что, судя по количеству сукна, произведенного в Пенсильвании, местная элита вскоре оденется в костюмы колониального производства¹⁸⁹. Из Нью-Йорка сообщали, что на специально устроенной ярмарке раскупили всю местную продукцию, «поскольку все слои народа испытывают похвальную гордость, если носят то, что было сделано в их собственном краю»¹⁹⁰. «*Virginia*

¹⁸² *Boston Gazette*. Aug. 12, 1765. Возможно, имеется в виду следующий пассаж из «Духа законов»: «Англия запрещает вывозить свою шерсть; она хочет, чтобы уголь доставлялся в ее столицу по морю; она позволяет вывоз своих лошадей только в том случае, если они выхолощены; корабли ее колоний, торгующих с Европой, должны бросать якорь в английских портах. Она стесняет торговца, но делает это для блага торговли». (Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999. С. 288) В целом же Монтескье выступал за свободу торговли.

¹⁸³ *Boston Gazette*. Apr. 29, 1765.

¹⁸⁴ *Boston Gazette*. Aug. 12, 1765.

¹⁸⁵ *Virginia Gazette* (Rind). May 30, 1766; библейская цитата из: Исаия 23:8.

¹⁸⁶ *Boston Evening-Post*. Nov. 25, 1765. Имеются в виду мятежи в Спиталфилдсе (пригород Лондона) в 1765 г., направленные против ввоза французского шелка.

¹⁸⁷ *Boston Gazette*. Dec. 30, 1765.

¹⁸⁸ *Boston Gazette*. Apr. 7, 1766.

¹⁸⁹ *Boston Gazette*. Nov. 11, 1765.

¹⁹⁰ *Boston Gazette*. Nov. 18, 1765.

Gazette» гордо заявляла, что имела место полная остановка импорта в колонии, и британская казна недосчиталась только таможенных пошлин на 110 тыс. ф. ст. Газета также информировала читателей, что американские покупатели отослали обратно в метрополию «большое количество» импортированных шляп, обуви, сукна¹⁹¹.

Но вот рекламировать отечественную продукцию газеты как-то не спешили. Почти во всех объявлениях фигурировали английские, европейские, индийские товары. Все же в рекламных блоках в конце 1765 г. стали мелькать пенсильванское железо и мука, «отборная коннектикутская свинина и говядина», «добрый новоанглийский ром», «наррагансеттский сыр из лучших сыроварен»¹⁹². В Виргинии местная пивоварня предлагала крепкое пиво, портер и эль, «равные по качеству любым, какие можно импортировать из какой-либо части света». Виргинское пиво рекламировалось как натуральное, в противовес импортному, с суррогатными добавками. Предприимчивый пивовар прибавлял: «Суровое обращение, которому мы недавно подверглись со стороны родины-матери, как мне кажется, будет достаточным, чтобы вызвать интерес к моему начинанию»¹⁹³. Меркантилистское законодательство метрополии злостно нарушалось. Так, в 1766 г. некий Дэниэль Джонс из Бостона рекламировал шапки, бобровые и биверетовые (кроличьи, покрашенные «под бобра»), причем своего собственного производства, не обращая внимания на законодательный запрет¹⁹⁴.

Первые ростки будущего промышленного развития США, таким образом, уже пробивались и даже получили идеологическое обоснование. Хотя, конечно же, вытеснить импортные товары местная продукция так сразу не могла.

* * *

Свобода – один из базовых концептов философии Просвещения. И она же была одной из основ вигской идеологии времен гербового сбора. Высочайшая ценность свободы и пагубность рабства не подвергались сомнению. При этом в колониях активно заимствовали просвещенческие представления о сопротивлении тирании, естественном праве, общественном договоре, народном суверенитете и праве на сопротивление угнетению. Их основным источником в то время были «Два трактата о правлении» Дж. Локка. Однако и более поздние авторы, такие как Вольтер и Руссо, были известны в колониях, а их идеи, хотя и в меньшей степени, чем локковские, распространялись колониальной прессой. Как и у Локка, у американских вигов в это время свобода ассоциировалась с собственностью, и лишь Дж. Отис, во многом опередивший единомышленников, настаивал на расширении избирательного права. Просвещенческое понимание свободы даже получило в Америке некоторое развитие за счет введения требований экономической свободы для колоний. Но в то же время у колонистов сохранялось и средневековое понимание свободы как привилегии, полученной от предков и недоступной для некоторых категорий населения.

¹⁹¹ Virginia Gazette (Purdie and Dixon). Apr. 18, 1766.

¹⁹² Hanp.: Boston Gazette. Dec. 9, 1765; Boston Gazette. Dec. 23, 1765.

¹⁹³ Virginia Gazette (Purdie and Dixon). Apr. 18, 1766.

¹⁹⁴ Boston Gazette. Febr. 17, 1766.

Глава 2

Концепция «короля-патриота» и восприятие власти в период Актов Тауншенда (1767–1770)

В 1766 г. гербовый сбор был отменен. Однако 1767 год оказался отмечен новым кризисом в отношениях Великобритании и ее североамериканских колоний. В центре событий оказалась колония Массачусетс и ее главный город Бостон.

В июне-июле 1767 г. были приняты Акты Тауншенда, названные по имени предложившего их английский министра финансов. Первый из них предполагал пустить сборы от таможенных пошлин на продукцию английских мануфактур, ввозимую в Америку, на выплату жалованья королевским чиновникам и судьям в колониях. Таким образом, колониальная администрация приобретала источник дохода, не зависящий от колониальных ассамблей. Этот акт лишал ассамблеи традиционных средств давления на исполнительную власть. Вводились новые налоги: на стекло, свинец, краски и бумагу. Второй акт предписывал создание Американского таможенного управления, которое должно было обеспечить точное соблюдение всех законов о торговле. Наконец, третий акт приостанавливал деятельность нью-йоркской ассамблеи, которая не согласилась с условиями Акта о постое 1765 г.

Для американцев все это оказалось неприятной неожиданностью. Тауншенд пользовался в колониях неплохой репутацией. И уж точно все надеялись, что он окажется лучше своих предшественников – Бьюта и Гренвилля, авторов ненавистного Гербового акта. Материалы начала 1767 г. содержат уникальные для политического дискурса предреволюционной Америки примеры позитивного восприятия министерства. В Нью-Йорке, отмечая годовщину отмены гербового сбора, патриоты пили за «подлинно патриотичное министерство 1766 г.» и даже лично за Чарльза Тауншенда¹⁹⁵.

И вот первые слухи об Актах Тауншенда достигли Бостона в апреле 1767 г.¹⁹⁶ Перед американцами вновь встала перспектива налогообложения без представительства. Осенью 1767 г. «Boston Gazette» подводила печальный итог: «Закон уже вступил в силу. Каждый человек, который использует стекло, краски или бумагу, которые будут импортированы, почувствует это. И каждая женщина, которая пьет свою чашку чая»¹⁹⁷. К этому добавлялось расквартирование английских гарнизонов в колониальных городах. Колонисты должны были предоставлять солдатам помещение и провиант. При этом они не без оснований подозревали, что британские войска посланы в Новый Свет с целью привести к покорности беспокойные колонии. Темы налогообложения без представительства и постоянной армии стали ведущими на страницах газет и памфлетов Америки в 1767–1770 гг.

В теоретическом плане акты Тауншенда не представляли новой проблемы. Они осмысливались в рамках той же парадигмы, что и гербовый сбор. И в то же время можно говорить о некоторых изменениях в восприятии Просвещения в Америке. Тематика естественного права и общественного договора, видимо, уже казалась тривиальной; повторять уже пройденное не было смысла, и рецепция просвещенческой политической философии выходила на новый уровень. Проблему, требовавшую осмысления, виги увидели в другом: почему, едва отменив гербовый сбор, парламент вновь пытался ввести налогообложение для колоний? В период Актов Тауншенда американские газеты заполнены рассуждениями о природе власти.

¹⁹⁵ Boston Gazette. Mar. 30, 1767.

¹⁹⁶ Boston Gazette. Apr. 20, 1767.

¹⁹⁷ Boston Gazette. Nov. 23, 1767.

В газетах 1767–1769 гг. новости о европейских просветителях почти не встречались (возможно, в связи с общим уменьшением числа зарубежных новостей в газетах). «Boston Evening Post», например, лишь однажды затронула тему возможного визита Ж.Ж. Руссо в Англию: «Говорят, что Руссо, беспокойный философ, на самом деле собирается нанести второй визит в наше королевство»¹⁹⁸. В той же газете в 1769 г. была опубликована новость о том, что Д. Юм назначен секретарем английского посла во Франции¹⁹⁹. Можно констатировать, что к 1768 г. просветителей вытеснили из новостных колонок известия о бунтах в Лондоне, известных как «Уилкс и Свобода», а также о восстании Паоли на Корсике.

Зато Вольтер явно мог считаться одним из самых продаваемых авторов в колониях тех лет. Даже бойкоты импортной продукции, ограничивавшие поступление новых книг, не отбили у американцев вкуса к его новым сочинениям. Так, «Virginia Gazette» рассказывала колонистам о свежей новинке – «Простодушном», тогда еще не переведенном на английский. Подробно пересказывался сюжет, а затем газета резюмировала: «Основная цель мсье Вольтера в этой маленькой работе – высмеять нравы и обычаи Европы, в особенности его собственной страны. Для этой цели он берет молодого человека, рожденного в лесах Америки, привезенного в Англию, а затем во Францию. Будучи совершенно не испорченным предрассудками воспитания, он делает самые разумные и уместные наблюдения над всем, что ему встречается»²⁰⁰.

В Массачусетсе книготорговцы Кокс и Берри, составлявшие конкуренцию более известному Джону Мейну, предлагали бостонцам Библии, молитвенники и псалтыри, но одновременно в их каталоге значились 35 томов работ Вольтера²⁰¹.

Книги великого вольнодумца пользовались спросом и в других колониях. В библиотеке небогатого северокаролинского юриста (после него осталось ок. 180 фунтов и десятков рабов) значились как проповеди Фордайса, так и произведения Вольтера: «Эссе о преступлениях и наказаниях» и «Философия»²⁰². Более преуспевающий северокаролинец располагал 9-томником того же философа; на его книжной полке стояли и «Персидские письма» Монтескье²⁰³.

И в то же время на политическую мысль предреволюционного десятилетия Вольтер почти не повлиял. К его авторитету обращались в совершенно иных случаях, нежели полемика о конституционности действий парламента. Например, в одном из номеров «Virginia Gazette» приводилась речь Вольтера в пользу оспопрививания²⁰⁴. А вот в полемике вокруг Актов Тауншенда американцы опирались на таких авторов, как Г. Болингброк²⁰⁵, Дж. Свифт, Дж. Пристли²⁰⁶, Г.Б. Мабли²⁰⁷. Естественное равенство людей обосновывалось ссылками на «О законах церковной политики» Р. Гукера, а также на Г. Гроция, С. фон Пуффендорфа²⁰⁸. Чаще же всего в политических вопросах американцы доверяли авторитету Ш.Л. Монтескье и Дж. Локка. Именно эти два философа будут определять интеллектуальный ландшафт Американской революции и в

¹⁹⁸ Boston Evening Post. Nov. 21, 1768.

¹⁹⁹ Boston Evening Post. Jan. 16, 1769.

²⁰⁰ Virginia Gazette (Purdie and Dixon). June 2, 1768.

²⁰¹ Boston Gazette. June 15, 1767.

²⁰² North Carolina Wills and Inventories / ed. J.B. Grimes. Heritage Books, 2013. P. 514.

²⁰³ Ibid. P. 491.

²⁰⁴ Virginia Gazette (Purdie and Dixon). Aug. 11, 1768.

²⁰⁵ Дж. Адамс довольно низко оценивал личную нравственность Болингброка, но тем не менее считал возможным ссылаться на его авторитет в конституционной теории: «Милорд Болингброк, чье знание конституции невозможно оспаривать, что бы ни говорилось с полным основанием о его религии и его морали»: Governor Winthrop to Governor Bradford // Boston Gazette. Feb. 16, 1767.

²⁰⁶ Отрывок из эссе Джозефа Пристли «О правительстве»: Boston Gazette. Oct. 10, 1768.

²⁰⁷ Мабли, не названный по имени, обозначен на страницах «Boston Evening Post» как «довольно уважаемый современный автор» (a modern author of no mean repute). Boston Evening Post. Aug. 7, 1769.

²⁰⁸ Boston Gazette. Aug. 24, 1767.

дальнейшем. Локка на этом этапе превозносили в особенности. «Boston Evening Post» отмечала: «М-р Локк доступен всем, и никто здесь не оспаривает истинность его доктрины»²⁰⁹.

По сравнению с предшествующим периодом американцы уже более свободно обращались с теоретическим наследием Просвещения. Базовые понятия, такие как «естественное право», «общественный договор» и т. д., уже не требовали разъяснения и обоснования, казались само собой разумеющимися.

Косвенным подтверждением распространенности просвещенческих идей могут быть неточные цитаты, сделанные по памяти. Они означают, что соответствующие пассажи могли пересказываться из уст в уста, а могли просто всплывать в памяти хорошо знакомого с ними человека, так что цитирующий даже не считал нужным каждый раз искать точный текст. Так, на страницах «Boston Gazette» выражение «дух закона природы и народов»²¹⁰ возникало как общепонятное клише, не связанное с конкретной цитатой из Монтескье. В «Boston Evening Post» констатировалось: «Определенно есть разница между силой и правом, одно не всегда происходит из другого». Автор ссылаясь на яркий образ, придуманный Локком. Во Втором трактате о правлении: «Если разбойник вломится в мой дом и, приставив мне к горлу кинжал, заставит меня приложить печать к обязательству передать ему мое имение, то разве это даст ему какое-либо право?». Ситуация не делалась по памяти. Сцена, описанная в «Boston Evening Post», немного отличалась: в ситуации, обрисованной в газетной статье, разбойник не вламывался в дом, а останавливал путешественника на большой дороге; соответственно, он был вооружен не кинжалом, а пистолетом²¹¹.

Культурные практики эпохи Просвещения распространялись все более широко. Достижения науки XVIII в. входили в пространство повседневности. Прежде всего, это было знаменитое изобретение Б. Франклина – громоотвод²¹². Все бостонские газеты в один голос рекламировали ценную новинку. В одном из номеров «Boston Evening Post» рассказывалось о нескольких случаях смертей и пожаров, вызванных ударом молнии. Там же сообщалось о том, что некоторые массачусетцы обзавелись громоотводом «на основе принципов гениального доктора Франклина», но понимания соседей не встретили. Многие все еще воспринимали молнию как кару Божию. «А между тем они принимают лекарства, ставят банки и делают кровопускания, чтобы спастись от болезни», – иронически замечала газета²¹³. К тому же способу аргументации прибегала «Massachusetts Gazette». Она повествовала о том, как молния ударила в шпиль молитвенного дома и разнесла бы его на куски, если бы не громоотвод. Правда, громоотвод не был должным образом заземлен, поэтому молния ударила в землю, подняв столб пыли и дыма. «И все же это может служить решающим доказательством реальной пользы громоотводов»²¹⁴, – заключал автор заметки. «Электрические стержни» (громоотводы) всех сортов можно было купить на Саммер-стрит в Бостоне²¹⁵.

²⁰⁹ Boston Evening Post. Sept. 11, 1769.

²¹⁰ Boston Gazette. Mar. 21, 1768.

²¹¹ Boston Evening Post. June 20, 1768; Локк Дж. Сочинения: 3 т. / под ред. И.С. Нарского, А.Л. Субботина. М., 1988. Т. 3. С. 365.

²¹² Бенджамин Франклин был также крупнейшим из американских просветителей. Анализ его взглядов посвящены многочисленные работы. См., напр.: Гольдберг Н.М. Вопросы религии в трудах Б. Франклина // Ежегодник музея истории религии и атеизма. Т. 6. М.-Л.: АН СССР, 1962; Радовский М.И. Вениамин Франклин. 1706–1790. М.-Л., 1965; Болховитинов Н.Н. Б. Франклин и М.В. Ломоносов (Из истории первых научных связей между Россией и Америкой) // ННИ. 1973. № 3. С. 77–81; Ашикин А.В. Бенджамин Франклин – ученый-экономист // США. Экономика, политика, идеология. 1975. № 10. С. 45–51; Согрин В.В. Джефферсон, Франклин, Пэйн и становление демократической социально-политической мысли в США // Американский ежегодник. 1979. М., 1979. С. 176–210; Башмакова Л.П. Б. Франклин и проблема «американизма» // Американский характер. Очерки культуры США / отв. ред. О.Э. Туганова. М., 1991. С. 84–109 и др.

²¹³ Boston Evening Post. Aug. 29, 1768.

²¹⁴ Massachusetts Gazette. Aug. 30, 1770.

²¹⁵ Boston Gazette. Aug. 8, 1768.

Другим свидетельством влияния Просвещения может служить распространение своего рода антикизирующего дискурса, характерного для европейского XVIII в. Античные аналогии легко приходили на память колонистам, и, скажем, автор и читатели «*Boston Gazette*», описывая собственное положение, вполне могли использовать фрагмент из Фукидида. Воспроизводилась речь керкирян, приехавших просить у Афин помощи против своей метрополии, Коринфа: «*Всякая колония почитает свою метрополию лишь пока та хорошо обращается с нею, если же встречает несправедливость, то отрекается от метрополии. Ведь колонисты выезжают не для того, чтобы быть рабами оставшихся на родине, а чтобы быть равноправными с ними*»²¹⁶. Не случайно также непопулярного губернатора Ф. Бернарда сравнивали с римским пропретором Верресом, а его преемника Т. Хатчинсона – с Сеяном, временщиком в правление Тиберия.

На основании просвещенческих политических теорий и просвещенческого дискурса вырабатывалось новое представление о власти, как имперской, так и колониальной. В качестве основы для понимания природы власти теперь уже неоспоримо утвердилась теория общественного договора. Автор под псевдонимом «Свободнорожденный американец» воспроизводил общеизвестную истину: «Человечество не вступало в сообщество, чтобы возвеличить правителей, но правители были наделены властью для блага народа и перед ним одним отвечают за свое поведение»²¹⁷. Фраза «гарантия права и собственности – великая цель правительства»²¹⁸, – успела превратиться в клише.

Исходя из такого понимания, и оценивалась имперская власть. В частности, создавалась специфическая парадигма восприятия монархии, в котором соединялись пережитки наивного монархизма, болингбровская концепция «короля-патриота» и общепросвещенческие представления о правителе.

В этом вопросе влияние французских просветителей на колониальную политическую мысль минимально. Французские теоретики XVIII в. были, в современной терминологии, институционалистами. Особенности государственного устройства интересовали их куда больше, чем личность государя. Руссо, например, демонстративно отказывался рассматривать проблематику идеального государя²¹⁹. Он также категорически отвергал любые патерналистские трактовки власти²²⁰. Монтескье полагал, что личность государя не имеет почти никакого значения. Куда важнее, во-первых, институты, а во-вторых, имидж монарха. Он писал: «В наших монархиях все наше благоденствие состоит в мнении, которое составил себе народ о кротости правления. Неискусный министр любит заявлять вам, что вы рабы. Но если бы это было и так, то он должен был бы стараться скрывать это от вас»²²¹.

Зато собственную теорию монархии, тесно связанную с личностью монарха, разработал Болингброк в своей работе «Идея о короле-патриоте» (1740). Болингброк, как последовательный просветитель, объявлял абсолютную власть и божественное право королей плодом обмана, попыткой «навязать свою власть узурпаторов глупому миру»²²². В то же время он подчеркивал необходимость сакрализации королевской власти (но не личности короля). И еще один момент, который акцентировался: лишь хороший государь имеет основания считать, что его

²¹⁶ *Boston Gazette*. Mar. 7, 1768. Ср.: Фукидид, кн. 1, 34. Цит. по изд.: Фукидид. История. Л., 1981.

²¹⁷ *Boston Gazette*. Mar. 9, 1767.

²¹⁸ *Boston Gazette*. Mar. 21, 1768. Ср. у Болингброка: «Благо народа есть конечная и истинная цель правления» (Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 216).

²¹⁹ «Смешивать королевское Правление с Правлением доброго короля – это значит вводить самого себя в заблуждение. Дабы увидеть, что представляет это Правление само по себе, нужно рассмотреть, каково оно при государях недалеких или злых; ибо они либо такими взойдут на трон, либо же трон сделает их такими»: Руссо Ж.Ж. Трактаты. М., 1969. С. 207.

²²⁰ Там же.

²²¹ Монтескье Ш.-Л. О духе законов. М., 1999. С. 182.

²²² Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. С. 202.

право царствовать – от Бога²²³. Портрет своего «короля-патриота» Болингброк создавал, опираясь на положения «Государя» Н. Макиавелли и отчасти полемизируя с ним. Опирался он также на представления Локка о договорном и ограниченном характере власти. «Король-патриот» – идеальный правитель, защищающий свободную конституцию, следующий принципам правового государства²²⁴. Он отличается высокой нравственностью и любовью к своей стране и своему народу. Он борется с коррупцией и укрепляет добродетель подданных. Он изгоняет льстецов, авантюристов, интриганов. Еще одна важная его черта – милосердие (не случайно именно это качество составляло важный элемент репрезентации Георга III в колониальной прессе). Наконец, он стоит над партийными раздорами: «Не обручаться ни с единой партией в отдельности, но править в качестве отца всего своего народа – столь важная черта в характере Короля-Патриота, что тот, кто поступает иначе, утрачивает право на сей титул»²²⁵.

Именно на идеал «короля-патриота» ориентировался в своей репрезентативной политике Георг III²²⁶. Концепция Болингброка была усвоена и колониальным общественным сознанием. Словосочетания типа «король-патриот» (Patriot King) или «патриотический государь» (patriotic prince) встречались достаточно часто²²⁷. Столь же обычны были формулы типа «всеобщий отец» (Common Father) и «лучший из королей» (best of kings).

Общее представление колонистов о «короле-патриоте» было весьма сходно с болингбровским. Это прежде всего государь, правящий во благо подданных. «Boston Gazette» разражалась верноподданническим панегириком: «Счастье наших королевств и слава каждого из них в том, что ими правит монарх, украшающий благороднейший трон на земле всеми королевскими добродетелями. Король, который считает любовь своего народа прекраснейшим брильянтом в своей короне и простирает свой скипетр лишь для того, чтобы охранять конституционные права и привилегии своих счастливых подданных»²²⁸. Упоминание об охране «конституционных прав и привилегий» подданных отличало эти излияния от восхвалений, адресуемых обычно абсолютным монархам.

И хотя Георга III официально титуловали «его священнейшим величеством»²²⁹, на самом деле природа его власти осмысливалась в парадигме общественного договора. «Boston Evening Post» выражала уверенность: «Вы можете легко предположить, что доктрина наследственного неотъемлемого божественного права королей так часто оспаривалась и высмеивалась... что она не может иметь большого влияния в наши дни»²³⁰. Соответственно, колонисты были убеждены, что пока они действуют в рамках британской конституции и колониальных хартий (как уже было показано в главе 1, именно они и считались реальной фиксацией общественного договора), король должен выступать на их стороне. Именно об этом писал «Свободнорожденный американец»: «Пока мы ведем себя как англичане и защищаем свою свободу без своеволия, нам нечего страшиться от нынешнего короля-патриота и его парламента»²³¹. Некоторые действия Георга III, как казалось «Сынам Свободы», на самом деле подкрепляли эту убежденность. Прежде всего, виги упоминали в данном контексте отмену гербового сбора. Из Уильям-

²²³ Там же. С. 204.

²²⁴ «Сила этого закона обязательна для короля в не меньшей мере, чем для ничтожнейшего из подданных, а дух его обязателен для монарха и того более»: Там же. С. 216

²²⁵ Там же. С. 226.

²²⁶ Durant W., Durant A. The Age of Voltaire. N.Y., 1965. P. 100.

²²⁷ Там же. Boston Gazette. Mar. 14, 1768, Apr. 4, 1768; Boston Evening Post. July 31, 1769.

²²⁸ Boston Gazette. Apr. 11, 1768.

²²⁹ О пережитках сакрализации власти в колониальной и революционной Америке см.: Филимонова М.А. Понятие сакрального в политической риторике Американской революции // Образы власти в гуманитарных исследованиях / под ред. А.В. Хазиной, Ф.В. Николаи. Нижний Новгород, 2013. С. 107–110.

²³⁰ Boston Evening Post. June 20, 1768.

²³¹ Boston Gazette. Apr. 27, 1767.

сберга (Виргиния) сообщали, что палата бургесов рассматривает предложение воздвигнуть статую Георга III по случаю отмены гербового сбора, а также обелиск в память всех патриотов, отличившихся во время кризиса²³². В Нью-Йорке такая статуя действительно появилась. В Норвиче (Массачусетс) отмечали 18 марта 1767 г. «день, когда его величество в своем королевском одеянии воссел на трон и дал согласие на отмену Гербового акта, за что он будет благословен вовеки»²³³. Традиционные монархические атрибуты должны были создать величественный образ короля-патриота, избавившего подданных от угнетения. О том, что ранее Георг III одобрил тот же Гербовый акт, не упоминалось.

Сомнительные инициативы метрополии, вызывавшие в колониях возмущение, не связывались с Георгом III, а если и связывались, то ответственность за них на короля все же не возлагалась. Так рассуждал радикально настроенный С. Адамс: «Посылая войска в Америку, король, разумеется, не желал ничего дурного. Но король далеко, и может случиться, что на деле войсками в Америке будет распоряжаться какой-нибудь честолюбивый министр»²³⁴. Лично же Георгу III приписывались только лучшие качества, прежде всего, мудрость и милосердие. Так, в петиции ассамблеи Джорджии говорилось о таких качествах короля, как «справедливость, мудрость и отеческая забота о правах и свободах ваших подданных, сколь угодно далеких»²³⁵. Королевское милосердие воспринималось как «последнее прибежище» (*dernier resort*) колонистов во всех их несчастьях²³⁶. Как и многие другие политические представления XVIII в., такой имидж Георга III восходил к римской традиции. Милосердие короля описывалось словом *clementia* – тем самым, которое, разумеется, в латинском варианте (*clementia*), настойчиво использовал Гай Юлий Цезарь при конструировании собственного образа²³⁷. Античная стилизация репрезентации Георга III проявилась и в упомянутой выше конной статуе, установленной в Нью-Йорке: монумент был сделан по образцу статуи Марка Аврелия. При этом образ, конструируемый вигской пропагандой, был очень мало связан с реальной личностью или политикой Георга III. По очевидным причинам, большинство колонистов не имело возможности увидеть своего короля, будь то при дворе или в ходе официальных церемоний²³⁸. О его внешнем виде приходилось судить по гравюрам или изображениям на монетах, а о его политике – по перепечаткам из официальной английской прессы. Неудивительно, что наивный монархизм долго давал о себе знать.

Образ Георга III в это время ставился в один ряд с теми английскими политиками, которых колонисты считали своими защитниками. Не случайно на «столпе свободы», воздвигнутом в Нью-Йорке по случаю отмены гербового сбора, красовалась надпись «Король, Питт и свобода»²³⁹. «*Boston Gazette*» буквально приходила в экстаз: «Благодарение небесам! Браун-

²³² *Boston Gazette*. Jan. 5, 1767.

²³³ *Boston Gazette*. Mar. 30, 1767.

²³⁴ *Vindex* // *Boston Gazette*. Dec. 26, 1768.

²³⁵ *Boston Evening Post*. Oct. 23, 1769.

²³⁶ Напр.: *Your Injured Country* // *Boston Gazette*. Febr. 20, 1769. Интересно, что в 1774/1775 гг. та же самая французская формула будет означать в дискурсе патриотов уже не милосердие Георга III, а вооруженную борьбу с метрополией.

²³⁷ См.: *Утченко С.Л.* Юлий Цезарь. М., 1976. С. 136, 250, 313–318.

²³⁸ Личное восприятие короля при встрече с ним могло сильно отличаться от пропагандистских образов. Таков, например, был опыт Бенджамина Уэста, ставшего придворным портретистом короля. См.: *Алентьева Т.В.* Бенджамин Уэст – «отец американской живописи» // АЕ. 2015. М., 2016. С. 180.

²³⁹ Уильям Питт-старший, занимавший в 1766–1768 гг. пост премьер-министра, был известен вкладом в экспансию Британской империи во время Семилетней войны, противодействием коррупции в правительстве, а также поддержкой колонистов в их борьбе против Гербового акта. Соответственно, патриоты боготворили его. Редактор и книготорговец Дж. Мейн, например, считался обнаружившим «враждебность к своей стране», поскольку очернял «ее великого и постоянного друга Питта». Питта, в свою очередь, пышно именовали «спасителем Британии и искупителем Америки»: *Boston Gazette*. Febr. 1, 1768.

швейг правит, а Питт еще живет, чтобы благословлять собою мир. Мы уверены, что под их защитой вольности Америки останутся неприкосновенными»²⁴⁰.

В целом, «король-патриот» представлял собой модернизированную в соответствии с просвещенческими установками версию традиционного «доброго правителя». Век Просвещения подорвал веру в чудотворные способности монарха, и короли Ганноверской династии уже не пытались исцелять золотушных²⁴¹. Зато «король-патриот», предположительно, правил в соответствии с общественным договором и принципами естественного права. «Слава британского государя и счастье всех его подданных в том, что их конституция имеет своим основанием неизменные законы природы»²⁴², – убеждала «Boston Gazette».

Из концепции «короля-патриота» вытекало вигское представление об особой конституционной роли королевской прерогативы. В период Актов Тауншенда виги как раз начали обсуждать эту тему. С. Адамс рассуждал: «Прерогатива – власть, данная короне конституцией для безопасности народа. И это власть, которой никогда не следует пользоваться, кроме как в случаях, когда этого требует безопасность народа. Столь мудрый и милосердный государь ныне восседает на троне, что мы можем положиться на то, что он никогда не станет использовать свои полномочия во вред своим подданным»²⁴³.

Концепция короля-патриота дополнялась саморепрезентацией колонистов как преданных, лояльных и мирных подданных. В июне 1767 г. в Бостоне торжественно отмечалось 30-летие Георга III. По заведенному обычаю, были проведены показательные маневры королевских войск, расквартированных в городе, а также колониальной милиции. В час дня состоялся салют пушек Кастл-Уильям и городской батареи. Как отмечала газета, «день прошел в проявлениях лояльности и радости»²⁴⁴. Палата представителей Массачусетса заверяла, что ее депутаты готовы «своими жизнями и состоянием защищать личность, семейство, корону и достоинство его величества»²⁴⁵.

Соответственно, чтобы добиться отмены ненавистных актов, достаточно просто попросить об этом короля. «Нас учили, что долг всех людей – умолять трон о небесной милости»²⁴⁶, – заявляла «Boston Gazette». «Boston Evening Post» прибегала к поэзии:

В беде, в несчастье короля мы молим: Он нам вернет утраченную волю²⁴⁷.

И при этом колонисты не могли не сознавать, что идеальная картина взаимоотношений «короля-патриота» и его верных подданных никак не соответствовала реальной политике Георга III в отношении колоний. Как уже отмечалось, на его счету к 1768 г. было одно из самых спорных применений прерогативы – размещение гарнизонов в американских городах. Как это объясняли вигские пропагандисты?

Чаще всего в ход шли традиционные для наивного монархизма объяснения: король не знает о бедствиях подданных, от него утаивают информацию, его вводят в заблуждение «злые министры»/колониальные губернаторы/французские эмиссары. Постоянная тема колониальных газет: Америку «оклеветали» перед властями метрополии²⁴⁸. Об этом писал автор под

²⁴⁰ Boston Gazette. Jan. 18, 1768. Короли династии Ганноверов носили также титул герцогов Брауншвейгских.

²⁴¹ См.: Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998. С. 533–539.

²⁴² Boston Gazette. Mar. 28, 1768.

²⁴³ Vindex // Boston Gazette. Dec. 26, 1768.

²⁴⁴ Boston Gazette. June 8, 1767. Кастл-Уильям – бостонский форт, перестроенный в 1692 г. и названный в честь короля Вильгельма III. Именно здесь был размещен английский гарнизон, здесь же хранились в 1765–1766 гг. гербовые марки. В 1776 г. форт был разрушен отступавшими из Бостона английскими войсками.

²⁴⁵ Boston Evening Post. July 3, 1769.

²⁴⁶ Boston Gazette. Oct. 3, 1768.

²⁴⁷ Boston Evening Post. Oct. 3, 1768.

²⁴⁸ Нанп.: Conciliator // Boston Gazette. Sept. 28, 1767.

псевдонимом «Торговец»: «Весьма грустная мысль: американцы были добрыми и верными подданными в течение 150 лет, а в последние пять лет их внезапно сочли забывшими верность... и против них послана армия»²⁴⁹. В Питерсхэме (Массачусетс) на празднике в честь местного «древа свободы» прозвучал и тост за то, «чтобы мы всегда находились под защитой его величества, чтобы он всегда слышал наши жалобы и посылал нам скорое облегчение»²⁵⁰. Некий *Britannus Americanus* выражал желание обладать голосом Стентора и крыльями серафима, чтобы полететь в метрополию и заверить ее в преданности колонистов. Английские гарнизоны в Америке трактовались как предназначенные для того, чтобы держать ее обитателей в страхе (журналист приводил библейское описание тирании: хлестать бичами и скорпионами²⁵¹). Автор извинялся перед Питтом и другими «патриотами нынешнего времени» за то, что допускает мысль о тирании Британии, и развивал материалистскую метафору: «О рабстве, моя дорогая матушка, мы не можем даже помыслить; мы его ненавидим. Если это преступление, помни, что мы вскормлены твоим молоком. Мы хвалимся своей свободой и берем в этом пример с тебя». (В другом месте статьи говорилось о «милой, милой родине-матери»²⁵².)

Представление о неких «тайных врагах», оклеветавших колонистов в глазах короля, раз за разом возникало и на страницах прессы, и в массовом сознании. «*Boston Gazette*» предупреждала: «Есть люди, враги короля и его народа. которые постоянно старались разжечь искры раздора и зависти, которые однажды могут оказаться фатальными для империи. И, к несчастью для нас, эти злобные шептуны, кажется, владеют вниманием нации»²⁵³. Фригольдеры Бостона инструктировали своих представителей в колониальной ассамблее всячески свидетельствовать свою лояльность «милостивейшему суверену», но при этом отстаивать право подданных подавать королю петиции²⁵⁴. Инструкции городка Брейнтри своему представителю в колониальной ассамблее обязывали последнего выяснить, какие «порочные интриги» привели к тому, что Массачусетс оказался оклеветан перед «нашим милосерднейшим сувереном»²⁵⁵.

Можно себе представить, как все это раздражало губернатора Ф. Бернарда²⁵⁶, в чьи должностные обязанности как раз и входило информировать короля о положении в колонии. В апреле 1769 г. он вынужден был заверять членов бостонского самоуправления, что правительство метрополии оценивает действия вигов вполне адекватно. Комментарий «*Boston Evening Post*» сводился к тому, что губернатор просто ушел от ответа²⁵⁷. Летом того же года Бернарду вновь пришлось доказывать вигам, что их никто не «оклеветал». При этом, с точки зрения губернатора, претензии бостонцев на лояльность были просто лицемерием чистой воды. Так что его слова звучали откровенным сарказмом: «По делам вашим будут судить вас. Вам не следует бояться клеветы. Не во власти ваших врагов, если они у вас есть, что-либо прибавить к вашим публикациям. Они просты и ясны, и не нуждаются в комментариях»²⁵⁸. Ничего удивительного, что в результате в сознании бостонцев «злым советником» короля оказывался сам Бернард (об этом см. ниже).

Наивный монархизм у американских вигов сочетался с представлениями, куда более опасными для власти метрополии. Их источниками были опыт английской истории, а также

²⁴⁹ *Boston Gazette*. May 22, 1769.

²⁵⁰ *Boston Gazette*. Sept. 26, 1768.

²⁵¹ Ср. слова царя Ровоама во 2-й книге Паралипоменон: «Отец мой наложил на вас тяжкое иго, а я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду бить вас скорпионами». 2 Пар 10:11.

²⁵² *Boston Gazette*. Sept. 7, 1767.

²⁵³ *Boston Gazette*. July 11, 1768. Также: *Boston Gazette*. July 18, 1768, Aug. 1, 1768; *Boston Evening Post*. June 27, 1768.

²⁵⁴ *Boston Gazette*. May 15, 1769.

²⁵⁵ *Boston Gazette*. May 22, 1769.

²⁵⁶ Фрэнсис Бернард занимал пост губернатора Массачусетса в 1760–1769 гг.

²⁵⁷ *Boston Evening Post*. Apr. 17, 1769.

²⁵⁸ *Boston Evening Post*. July 17, 1769.

политическая философия и историография эпохи Просвещения. Рядом с «королем-патриотом» неизменно существовала противопоставленная ему зловещая фигура короля-деспота. Иногда за примерами обращались к странам весьма отдаленным и экзотическим. На страницах «*Boston Evening Post*» возникали одновременно образы англосаксонского прошлого²⁵⁹ и «*Шахнаме*». Газета писала: «Кто не предпочел бы славу Фаридуна (Phridun) или Альфреда, которые старались править своим народом таким образом, чтобы он был счастливее, чем если бы был совершенно свободен, блеску и чувству вины любого разрушителя, от Нимрода до Кули-хана?»²⁶⁰

Крайне востребованным в этом контексте был и опыт двух английских революций XVII в. При более внимательном анализе образа английского монарха, каким он представлялся в сознании вигов, выясняется, что подлинный «король-патриот» – это все же не Георг III, а Вильгельм III. Все упоминания о Вильгельме Оранском в американских текстах второй половины 1760-х гг. – сугубо позитивны. На банкетах колонистов звучали тосты «за бессмертную память этого героя из героев, Вильгельма III»²⁶¹. «*Boston Gazette*» вспоминала «славной и благословенной памяти короля Вильгельма и королеву Марию»²⁶². В глазах С. Адамса именно этот монарх – «друг всеобщих прав человечества, великий освободитель нации от папизма и рабства»²⁶³. В конечном итоге, оказывается, что достоинства Георга III как правителя связывались не столько с ним самим, сколько с его имиджем наследника Славной революции. В рассуждениях Д. Дебердта²⁶⁴ Славная революция прочно ассоциировалась с появлением на троне целой череды «королей-патриотов». И тут же возникал мотив «обманутого монарха»: «[Со времен Славной революции британская] нация и ее колонии были счастливы, а наши государи были королями-патриотами. Закон и разум учат, что король не может поступать дурно; что ни король, ни парламент не могут желать иного, нежели правосудие, справедливость и правда. Но в законе не сказано, что король не может быть обманут, а парламенту не могут представить неверную информацию»²⁶⁵.

Отсюда вытекало противопоставление Ганноверов – наследников революции – и Стюартов, которых революция свергла с престола. Георг III представлялся антитезой Якову II и его предшественникам из той же династии. «Филалет» ссылаясь на Гроция в подтверждение необходимости разделения властей, но сразу оговаривал: «Благодарение Небесам, в нынешней королевской семье мы обильно благословлены королями-патриотами». Королям династии Ганноверов и в частности Георгу III приписывались доброта, отцовская нежность, милосердие, а также забота о правах и привилегиях подданных. В этом смысле Ганноверы противопоставлялись «ненавистным Стюартам»²⁶⁶. На колонистов сильно повлияла английская историография, в частности, работы Кэтрин Маколей. Помимо прочего, историк полностью оправдывала

²⁵⁹ О роли «саксонского мифа» в вигской пропаганде см.: Филимонова М.А. Дихотомия «Свой/Чужой» и ее репрезентация в политической культуре Американской революции. СПб., 2019. С. 76–80.

²⁶⁰ *Boston Evening Post*. May 22, 1769. Фаридун – в «*Шахнаме*» царь Ирана, победитель узурпатора-чудовища Заххака. В «*An Universal History, from the Earliest Account of Time: Asiatic history to the time of Alexander the Great*», вышедшей в 1747 г., давалась рационалистическая трактовка мифа. Фаридун изображался как справедливый правитель, свергнувший тирана Зоака (Заххака), «один из величайших, мудрейших и наиболее успешных монархов, какие когда-либо правили на Востоке». «Странные вещи», сообщаемые в «*Шахнаме*» о Заххаке и непостижимые для автора эпохи Просвещения (т. е. змеи, росшие из плеч узурпатора), трактовались как политическая сатира (Vol. 5. P. 339–344). Под Кули-ханом в данном случае подразумевается Надир-шах, шах Ирана в 1736–1747 гг., чьи завоевательные походы позволили ему создать обширную империю. Надир-шаха называли также Тахмасп-кули-хан. Узнать его биографию американский автор мог из: *The Universal Magazine of Knowledge and Pleasure*... L., 1753. Vol. 12–13. P. 145–153.

²⁶¹ *Boston Evening Post*. Aug. 21, 1769.

²⁶² *Boston Gazette*. Mar. 21, 1768.

²⁶³ *Vindex* // *Boston Gazette*. Dec. 19, 1768.

²⁶⁴ Деннис Дебердт (1716–1770) – агент колонии Массачусетс в метрополии.

²⁶⁵ *Boston Gazette*. Apr. 4, 1768.

²⁶⁶ *Boston Gazette*. Mar. 23, 1767.

казнь Карла I, считая, что король, ставший тираном, теряет право на власть²⁶⁷. В Америке К. Маколей пользовалась огромной популярностью, вигская пресса писала о ней как о «прославленной женщине-историке», ее приглашали приехать в Бостон²⁶⁸. Существовала и собственно американская антироялистская трактовка. В сотую годовщину казни Карла I (т. е. 30 января 1750 г.)²⁶⁹ бостонский священник Дж. Мэйхью произнес проповедь о «неограниченном повиновении и непротавлении верховным властям». В своей речи Мэйхью доказывал, что Английская революция была полностью оправданной, а Карл I никак не может считаться святым мучеником. Проповедник риторически спрашивал: «Король Карл был человеком, запятнаным преступлениями и бесчестьем... Он жил, как тиран, и именно угнетение и насилия его правления привели его в конце концов к насильственной смерти. Какая же в этом святость, какое мученичество?... Какая святость в том, чтобы уничтожить прекрасную гражданскую конституцию и настойчиво стремиться к незаконной и чудовищной власти? Какая святость в том, чтобы погубить тысячи невинных людей и ввергнуть нацию в бедствия гражданской войны? И какое мученичество в том, что человек сам на себя навлекает преждевременную и насильственную смерть своей безмерной преступностью?»²⁷⁰ Мэйхью подходил близко к радикальным трактовкам К. Маколей.

Американские виги 1760-х – 1770-х гг. восприняли ту же оценку событий середины XVII в. «Boston Gazette» в своих рассуждениях о Карле I почти дословно воспроизводила аргументы Мэйхью: «Его раболепные панегиристы говорят, что он был хорошим человеком. Мы говорим, что он был плохим королем, худшим, какой когда-либо сидел на английском троне»²⁷¹. В том же ключе воспринимался и Карл II. Автор под псевдонимом «Пуританин» описывал небольшой спор на пароме через реку Чарльз: назван ли географический объект в честь Карла I или Карла II? Дискуссию прекратил паромщик, который объявил, что вопрос о том, кто из двух королей дал имя реке, гроша ломаного не стоит, потому что оба были паписты²⁷².

А между тем Реставрация и лично Карл II были в британской политической культуре того времени предметом поклонения. До середины XIX в. в Англии ежегодно праздновался официальный «День королевского дуба». Он должен был напоминать популярную историю о том, как будущий Карл II прятался в ветвях дуба от солдат Кромвеля после поражения при Вустере. Лишь ночью принц смог спуститься с дерева и впоследствии благополучно добрался до Франции. А «королевский дуб» роялисты срубили и расщепили на реликвии²⁷³. В память об этом люди украшали себя веточками дуба или дубовыми орешками. Не соблюдавших традицию хлестали крапивой или щипали.

Мальчишки бегали по улицам и распевали:

Бедный добрый король Карл прячется в листе.
Не покажешь нам свой дуб – зададим тебе!²⁷⁴

²⁶⁷ Macaulay C. The History of England, from the Accession of James I. to that of the Brunswick Line: 8 vols. L., 1763–1783. Vol. 4. P. 428, 435.

²⁶⁸ Boston Evening Post. Apr. 17, 1769; Boston Gazette. Apr. 17, 1769. В 1784–1785 гг. Маколей действительно осуществила поездку по США, где встретила самый теплый прием.

²⁶⁹ Дата годовщины была вычислена неверно, видимо, из-за расхождений между юлианским и григорианским календарями. До 1752 г. Великобритания жила по юлианскому календарю, причем год начинался с 25 марта. Однако переход на новый стиль уже готовился, когда Мэйхью читал свою проповедь.

²⁷⁰ Mayhew J. A Discourse concerning Unlimited Submission and Non-Resistance to the Higher Powers: With some Reflections on the Resistance made to King Charles I. Boston, 1750. P. 49–50.

²⁷¹ Boston Gazette. Febr. 29, 1768.

²⁷² Boston Gazette. Apr. 11, 1768. Чарльз – река в Массачусетсе, на берегах которой расположены Бостон и Кембридж.

²⁷³ Ивошина Л.И. Драма династии Стюартов. М., 2016. С. 177.

²⁷⁴ Коутти Е., Харса Н. Суеверия викторианской Англии. М., 2011. С. 447.

Именно в русле официальной традиции английские солдаты в Бостоне отметили годовщину чудесного спасения Карла II, устроив салют и прикрепив к шляпам дубовые листья. Комментарий «*Boston Evening Post*» был сдержанным: «Счастливы те государи, которые пришли после династии Стюартов, что они всегда находили прибежище в сердцах собственных подданных». «Король-патриот» противопоставлялся Карлу II, прятавшемуся в ветвях дуба от своего же народа²⁷⁵.

И если Георг III мог противопоставляться королям династии Стюартов, то уже на ранней стадии англо-американского конфликта правящий монарх мог также ассоциироваться с ними. Возможно, что нынешний король мудр, справедлив, патриотичен, – рассуждала «*Boston Gazette*». Но где гарантия, что его преемники будут такими же?²⁷⁶ Широко известно высказывание П. Генри, относящееся к 1765 г. 30 мая он произнес речь, восхитившую одних слушателей и безмерно шокировавшую других. Он заявил: «Тарквиний и Цезарь каждый получили своего Брута, Карл I – Кромвеля, Георг III...» Оратора прервал крик: «Измена!» Но он невозмутимо окончил фразу: «Георг III должен бы извлечь из этого урок»²⁷⁷. Джефферсон – в то время безвестный молодой человек, стоявший у входа в зал заседаний Палаты бурgeois, – навсегда сохранил яркое воспоминание об этой речи: «Мне казалось, что он (Генри. – М.Ф.) говорил так, как Гомер писал»²⁷⁸. Зато виргинский губернатор Ф. Фокье (1758–1768) счел язык выступления Генри «неприличным»²⁷⁹. Образ короля здесь амбивалентен, это потенциальный «король-патриот», но и потенциальный тиран. Сходным предупреждением-напоминанием служили слова С. Адамса: «Мы знаем, что короли, и даже короли *английские*, теряли короны и головы за присвоение себе права [налогообложения]»²⁸⁰. К 1775 г. эти первоначальные сомнения в соответствии Георга III идеалу «короля-патриота», реминисценции из английской и античной истории, дурные предчувствия кристаллизовались в лозунге «Король-патриот или никакого короля в Британской Америке», а затем и в свержении монархии²⁸¹.

Действия Георга III, которые не всегда удавалось истолковать как результат ошибки или заблуждения, уже в 1760-х гг. разрушали наивный монархизм. «*Boston Evening Post*» привела многозначительную цитату из речи епископа Солсберийского (1609): «Король перестает быть королем и вырождается в тирана, как только перестает править по закону. В этом случае совесть короля может сказать ему то же, что бедная женщина Филиппу Македонскому: “Или правь по закону, или перестань быть царем”»²⁸². И уж совсем не верноподданнически звучал «тост на январь XXX», напечатанный в «*Boston Gazette*»: «Пусть все политики, которые возвышают королевскую прерогативу на руинах общественной свободы, встретят судьбу лорда Страффорда. Пусть все священники, которые ставят церковную власть выше чрева совести (sic!), взойдут на эшафот, подобно архиепископу Лоду. Пусть все короли, которые прислушиваются к таким политикам и таким священникам, лишатся головы, подобно Карлу I»²⁸³.

²⁷⁵ *Boston Evening Post*. July 31, 1769.

²⁷⁶ *Boston Gazette*. Sept. 26, 1768.

²⁷⁷ Wirt W. *Sketches of the Life and Character of Patrick Henry*. Freeport, N.Y., 1970. P. 83.

²⁷⁸ Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. Л., 1990. С. 23. Об этом эпизоде см. также: Согрин В.В. Джефферсон: человек, мыслитель, политик. М., 1990. С. 31–32.

²⁷⁹ Griffith L. *The Virginia House of Burgesses. 1750–1774*. Alabama, 1970. P. 68; Фурсенко А.А. Американская революция и образование США. М., 1978. С. 57.

²⁸⁰ *Boston Gazette*. Jan. 9, 1769. Курсив принадлежит Адамсу.

²⁸¹ О роли болинброковской концепции «короля-патриота» в начале Войны за независимость см. подробнее: Liddle W.D. «A Patriot King, or None»: Lord Bolingbroke and the American Renunciation of George III // *JAH*. Vol. 65, No. 4 (Mar., 1979). P. 951–970.

²⁸² *Boston Evening Post*. Sept. 4, 1769.

²⁸³ *Boston Gazette*. Aug. 7, 1769.

Авторитетный У. Блэкстон приводил старую максиму: «Король не может поступать дурно»²⁸⁴. Однако в жизни это не так, и английская правовая мысль создала рядом с монархом фигуру «злого советника», который и ответствен за возможные политические перекося. Например, тему монарха, «обманутого ловкими и злонамеренными людьми», поднимал в своей памфлетистике Свифт²⁸⁵. 17-е из влиятельных «Писем Катона» было специально посвящено «злым и отчаянным министрам» и способам, которыми они могут поработить страну²⁸⁶. В вигской пропаганде «злые советники» Георга III играли первостепенную роль. Образ короля мог быть амбивалентным. Образ парламента эволюционировал от «светлого мифа» к «черному». Но образу министерства свойственна предельная однозначность: он всегда негативен²⁸⁷. «Boston Evening Post» пускалась в рассуждения: английские министры выросли «при превосходнейшей форме правления в мире», «под властью лучшего из государей, когда-либо занимавшего трон», получили обширное образование, в том числе в области конституционализма. Учитывая все это, они должны быть «могущественными защитниками свободы и общих прав человечества». Но ничего подобного на самом деле не было²⁸⁸. «Boston Gazette» поминала недавние времена Гербового акта, «тиранию старого Гренвилля и его хунты»²⁸⁹. Министерство воспринималось как неизменно враждебное по отношению к колониям и в конечном счете – по отношению ко всей Британской империи. Именно об этом говорилось в письме от джентльмена из Лондона, которое опубликовала «Boston Evening Post»: «Мы не решаемся сказать, какие меры примет парламент, но совершенно убеждены, что министерство против вас»²⁹⁰. Виги были уверены, что есть особый «министерский язык», который все действия американских колонистов представляет как мятежные²⁹¹.

Отчасти эта тема звучала как реминисценция все из того же Болингброка. В описании узурпации власти, которое давал Болингброк, почти равную роль играли «необузданный нрав» монарха, «совет какого-нибудь злонамеренного министра», подстрекательство «своекорыстной группировки» и поддержка постоянной армии²⁹². По меньшей мере, три из этих элементов американские виги с ужасом видели у себя. Не менее характерным как для Болингброка, так и для американской вигской пропаганды был мотив коррупции в министерстве. «Идея о короле-патриоте» была написана около 1738 г., в период т. наз. «робинократии». Такое название получил в английской истории период министерства Р. Уолпола (1730–1742) и связанная с ним система коррупции, лести, распределения пенсий и должностей. Болингброк описывал это так: «Министр проповедует подкуп – постоянно и вслух, подобно громогласному миссионеру порока; некоторые же не только намекают, но подчас и преподносят скрытые уроки того же самого»²⁹³. Тема «злых советников» поднималась и в других произведениях английского Просвещения. В созданной сатирическим пером Свифта академии Лагадо «предлагали способы убедить монархов выбирать себе фаворитов из людей умных, способных и добродетельных; научить министров считаться с общественным благом, награждать людей достойных, одаренных, оказавших обществу выдающиеся услуги; учить монархов познанию их

²⁸⁴ Blackstone W. Commentaries on the Laws of England: 2 vols. Philadelphia, 1893. Vol. 1. P. 245–246.

²⁸⁵ Эссе из журнала «Исследователь» // Англия в памфлете. Английская публицистическая проза. М., 1987. С. 218; также памфлеты Свифта «Несколько непредвзятых мыслей о нынешнем положении дел»: (Там же. С. 325–327); «Краткая характеристика его светлости графа Томаса Уортона» (Свифт Дж. Памфлеты. М., 1955. С. 64–68).

²⁸⁶ [Trenchard J., Gordon Th.] Cato's letters; or, Essays on liberty: 4 vols. L., 1737. Vol. 1. P. 111116. «Письма Катона» (1720–1723) – памфлетная серия, созданная британскими республиканцами Т. Гордоном и Дж. Тренчардом.

²⁸⁷ Исключения здесь единичны; об одном из них – тосте в честь Ч. Тауншенда – упоминалось выше.

²⁸⁸ Boston Evening Post. July 18, 1768.

²⁸⁹ Loyalty // Boston Gazette. Aug. 1, 1768.

²⁹⁰ Boston Evening Post. Febr. 13, 1769.

²⁹¹ Boston Gazette. Aug. 22, 1768.

²⁹² Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. С. 178.

²⁹³ Там же. С. 199.

истинных интересов, которые основаны на интересах их народов; поручать должности лицам, обладающим необходимыми качествами для того, чтобы занимать их, и множество других диких и невозможных фантазий, которые никогда еще не зарождались в головах людей здравомыслящих»²⁹⁴. Контраст с реальной действительностью «робинократии» был очевиден для всякого современника. Джон Гей в «Опере нищего» откровенно намекал на Уолпола, выводя персонажа под именем «Робин Хапуга, он же Образина, он же Грубиян Боб, он же Чирей, он же Боб Рвач»²⁹⁵. Теперь готовый образ «робинократии» применялся вигскими пропагандистами к новой ситуации. «Boston Evening Post» передавала анекдот об английском военном министре, который якобы заявил на торжественном обеде, что смотрит на государство, как «на большой сливовый пудинг, и пока остался хоть кусочек, полон решимости получить свою долю»²⁹⁶.

Несмотря на географическую удаленность, министерство казалось вездесущим. Автор под псевдонимом «Гиперион» выстраивал конспирологический дискурс: «Разве не множатся среди нас с каждым часом пенсионеры [двора], оплаченные чиновники и наемники, чтобы пировать на останках несчастной Америки? Разве не приносит каждый восточный ветер какое-нибудь новое насекомое из той самой прожорливой породы, что уничтожает всю зелень? Разве не взят хлеб у детей и не брошен псам?»²⁹⁷

В духе просветительского механицизма таких министров и таких ставленников двора можно было бы заменить автоматами. Автор под псевдонимом «Англичанин» приводил рассказ о некоем мелком немецком принце, который не хотел разорять подданных налогами и завел себе армию из 40 восковых солдат, приводимых в движение часовым механизмом. И почему бы в Великобритании не завести восковых придворных и восковое министерство?²⁹⁸ Живые же министры были определенно неспособны действовать во благо империи. В феврале 1768 г. в «Boston Gazette» было помещено ироническое эссе о пользе плохих министров. В частности, принимая тиранические меры, они побуждали народ отстаивать собственные права. Так родились Великая хартия, Habeas Corpus, Билль о правах. «Хотя плохие министры – проклятие времени. Но для последующих веков они приносят некоторую пользу. Они стоят в истории, как бакены, и предупреждают о тех скалах, о которые разбились наши предшественники», – рассуждала газета²⁹⁹.

В остальном политика министерства, безусловно, гибельна. «Essex Gazette» восклицала: «Милая Британия! Что станет с тобою, если такая вот министерская власть продлится хотя бы еще немного?»³⁰⁰

Армия также является важнейшим политическим и социальным институтом любого государства. В отношении общества к ней сказывается принятие или непринятие государственности в целом. В 1767–1770 гг. постоянная профессиональная армия стала предметом оживленного обсуждения в американских колониях. Более того, именно имидж армии стал во многом тем рычагом, при помощи которого С. Адамс и его единомышленники-виги смогли разрушить традиционные представления колонистов об имперской власти.

В этом американские виги также опирались на наработки европейских просветителей и английскую конституционную традицию. С. Адамс ссылаясь на «Петицию о праве» и «Билль о

²⁹⁴ Свифт Джс. Сказка бочки. Путешествия Гулливера. М., 1976. С. 296.

²⁹⁵ URL: http://www.lib.ru/INOOLD/FARKER_J/gay1_1.txt (дата обращения: 17.12.19).

²⁹⁶ Boston Evening Post. Jan. 23, 1769. Тот же устойчивый образ позднее развивал английский карикатурист Дж. Гиллрэй в своем известном произведении «Сливовый пудинг в опасности» (1805). На карикатуре пудинг – земной шар – делят У. Питт-младший и Наполеон.

²⁹⁷ Hyperion // Boston Gazette. Oct. 3, 1768. Немного измененная евангельская цитата взята из: От Матфея 15:26.

²⁹⁸ An Englishman // Boston Gazette. Febr. 20, 1769.

²⁹⁹ Boston Gazette. Febr. 29, 1768.

³⁰⁰ Boston Gazette. Nov. 7, 1768. (Перепечатка из Essex Gazette.)

правах», где говорилось, в частности, о недопустимости постоянных армий в мирное время³⁰¹. «Boston Gazette» помещала рассказ о Свифте, который «питал смертельную антипатию к постоянным армиям в мирное время и держался мнения, что наши свободы никогда не будут установлены на прочном основании, пока не возрожден древний закон, по которому наши парламенты переизбираются ежегодно»³⁰².

В английской политической литературе (в том числе у Свифта) тема постоянной армии действительно занимала почетное место. Правда, важнейший для американских вигов 1760-х гг. авторитет – Локк – не занимался проблемой постоянных армий специально. Однако в «Мыслях о воспитании» он с сочувствием писал о практике древних народов выбирать своих полководцев из среды людей сугубо мирных профессий: «Гедеон у евреев был взят от молодила, а Цинциннат у римлян – от плуга, чтобы командовать войсками их стран против врагов; очевидно, их умение искусно управлять цепом или плугом и хорошо работать этими инструментами не мешало им искусно владеть оружием и не делало их менее способными в делах войны и государственного управления. Они были великие полководцы и государственные люди и в то же время сельские хозяева»³⁰³.

Зато теоретики начала XVIII в. подробно разработали данную проблему. Для Болингброка постоянная армия была явлением того же порядка, что бедность народа и коррупция. Содержание такой армии – «порочная политика»³⁰⁴. Джонатан Свифт рассматривал проблему постоянных армий в 20-м номере «Examiner». Он противопоставлял современности пример греческих полисов и республиканского Рима: «Армии этих государств состояли из их собственных граждан, которые не брали платы, потому что война непосредственно их затрагивала... и не отличались от прочего люда»³⁰⁵. Происхождение наемных армий Свифт возводил к двум источникам. Первый из них: наемники были механизмом узурпации власти для различных тиранов в греческих и итальянских республиках. Второй: крупные государства использовали наемников для покорения отдаленных земель. Следовательно, наемные армии были опасны для политической свободы. Писатель особо подчеркивал необходимость абсолютного подчинения военной власти гражданским властям³⁰⁶. Показательно, что в Бробдингнеге, во многом воплотившем представления автора об идеальном государстве, постоянной армии не было. Зато имелось ополчение, состоявшее из купцов в городах и из фермеров в сельской местности³⁰⁷.

Обращались к данной теме и французские просветители. Монтескье неодобрительно упоминал «многочисленные постоянные армии, которые содержатся даже тогда, когда они совсем бесполезны и служат лишь удовлетворению тщеславия»³⁰⁸. Писал на данную тему и Вольтер. В «Кандиде» (1759) солдаты-наемники предстают как устрашающая и губительная сила. Они мучают, убивают, насилюют – словом, ведут себя именно так, как вели себя солдаты английского гарнизона согласно вигскому дискурсу³⁰⁹.

³⁰¹ Vindex // Boston Gazette. Dec. 5, 1768. Ср. в Билле о правах 1689 г.: «Набор или содержание постоянного войска в пределах королевства в мирное время, иначе как с согласия парламента, противно закону»: Законодательство Английской революции 1640–1660 гг. / сост. Н.П. Дмитревский. М.-Л., 1946. С. 129.

³⁰² Boston Gazette. Nov. 28, 1768.

³⁰³ Локк Дж. Соч. Т. 3. С. 598.

³⁰⁴ Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. С. 159, 174.

³⁰⁵ Swift J. The Works: 12 vols. L., 1765. Vol. 8. P. 64.

³⁰⁶ Ibid. P. 65–68.

³⁰⁷ Свифт Дж. Сказка бочки. Путешествия Гулливера. С. 257.

³⁰⁸ Монтескье Ш.Л. О духе законов. С. 325.

³⁰⁹ Вольтер. Философские повести и рассказы, мемуары и диалоги. Т. 1. Философские повести и рассказы. М.-Л., 1931. С. 145.

Итак, в просвещенческой политической мысли существовал определенный консенсус по вопросу о постоянных армиях. В рамках сложившейся парадигмы американские виги и восприняли появление в колониях английских регулярных войск.

Первые сведения об их скором прибытии относились к 1767 г. и носили довольно спокойный характер. В «Boston Gazette» печаталось сообщение из Лондона, в котором расквартирование войск в Америке представлялось пустяком, всего лишь заменой некоторых гарнизонов, давно уже служащих в Америке. Подчеркивалось, что расквартированию подчинились без возражений все американские колонии, кроме Массачусетса и Нью-Йорка³¹⁰. Однако с течением времени перспектива прибытия солдат воспринималась как все более угрожающая. Уже в августе 1767 г. «Boston Gazette» сообщала о бесчинствах британских офицеров, имевших место в Элизабеттауне (Нью-Джерси). Поводом к конфликту было требование колонистов к офицерам заплатить долги. Оскорбленные офицеры разбили окна в молельном доме, здании суда, а затем пытались вломиться в тюрьму³¹¹. В октябре того же года газета писала о попытке насильственной вербовки моряков в Виргинии. Некий капитан Морган высадился с этой целью в г. Норфолк и начал хватать всех встречных. Его планам воспрепятствовали горожане под водительством магистрата Пола Лойала³¹². Данная история была, вполне возможно, вымышлена. Обращают на себя внимание «говорящие» имена действующих лиц: злобный капитан, видимо, не случайно носит фамилию знаменитого пирата, а его антагонист назван Loyal (верный, лояльный). Тем не менее, насильственная вербовка была действительно обыденной практикой в британском флоте, и американцы об этом знали.

³¹⁰ Boston Gazette. Apr. 20, 1767.

³¹¹ Boston Gazette. Aug. 31, 1767.

³¹² Boston Gazette. Oct. 26, 1767.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.